

ВАСИЛИЙ ОЛЕЙНИК

К 927

0-53

ТАНКИ В АТАКЕ

Из воспоминаний командира
танкового взвода

КУЙБЫШЕВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977

Куйбышевская областная
библиотека
имени В. И. Ленина

1586993

Танки в атаке. Куйбышевское книжное издательство
1977, 88 с.

Командир взвода знаменитых «тридцатьчетверок»
В. м. Олейник в составе 41-й гвардейской танковой
бригады прошел трудный, славный боевой путь по
дорогам Украины, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехо-
словакии... Он участвовал в разгроме Кванту, а о
мне. Среди героев книги, рассказывающей о мужестве
и героизме советских танкистов, не жалея

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

„ 10604-10 _____
" М 148(03)-777 Ш „77

)-

Олейник Василий Михайлович

ТАНКИ В АТАКЕ

Редактор Б. М. Косенков

Художественный редактор Е. В. Альбокоино
& Гл. та р е з „ „ а

% ^AX^1^ГЛ \Ш\ ' < " X
ираж жю экз. Цена 12 коп. Заказ № 3498.' печ - 3,85. Уч. • изд. л. 3<
НО01300.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев, Спортивная. 5/27.

Тип „зд-ва .Волжская коммуна,, Р. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

© Куйбышевское книжное издательство.

Записки В. Олейника «Танки в атаке» охватывают
небольшой, всего в несколько месяцев, период ми-
нувшей войны от героической битвы и разгрома фа-
шистской группировки в Ясско-Кишиневской опера-
ции и до победы над фашистской Германией и милитаристской Японией.

О подвигах советских танкистов написано немало.
И все же книга «Танки в атаке» представляет не-
сомненный интерес. Ее автор — офицер В. М. Олей-
ник в составе 41-й гвардейской танковой Шумлинско-
Хинганской Краснознаменной, ордена Кутузова брига-
ды прошел трудный, но славный боевой путь по фрон-
товым дорогам Правобережной Украины, Румынии и
Болгарии, Венгрии и Чехословакии, принимал учас-
тие в разгроме советскими войсками Квантунской ар-
мии, являвшейся ударной силой империалистической
Японии. Он командовал танком и танковым взводом.

Фронтовые воспоминания подполковника В. М. Олей-
ника — своеобразная дань волнующему прошлому,
оставившему неизгладимый след в душе и судьбе ав-
тора. Он рассказывает о пережитом, о дорогом, о
том, что даже спустя тридцать лет не дает покоя быв-
шему танкисту. Автор реалистически воссоздает об-
разы советских воинов, одухотворенных пламенным
стремлением отстоять свободу и независимость своей
социалистической Родины. Теплота, искренность его
повествования покоряют, заставляют ясно представить
то, теперь уже далекое, время, когда особенно силь-
но проявились патриотизм и интернационализм совет-
ских воинов, вынесших на своих плечах чудовищную
тяжесть войны.

В. М. Олейник убедительно раскрывает психологические мотивы поступков, со знанием дела рассказывает о героических подвигах своих боевых товарищей по оружию, об авангардной роли коммунистов. Среди однополчан автора были его земляки-волжане. Автор на протяжении всей книги не выпускает их из поля зрения. Особенно запоминается коммунист гвардии старшина Николай Иванович Любушкин — человек отчаянной храбрости, находчивый воин, душевный парень.

Страницы книги «Танки в атаке» дышат правдой. Это придает ей особую убедительность. Перед читателями как бы оживают эпизоды боев под Яссами и на Дунае, на озере Балатон, улицах Секешфехервара и Будапешта, Брно и Праги, на неприступных горных перевалах Большого Хингана.

Мне хорошо знакомы описываемые в книге события, особенно те, что связаны с разгромом Квантунской армии. В те памятные дни мне довелось командовать войсками прославленной 1-й Краснознаменной армии, действовавшей на направлении главного удара 1-го Дальневосточного фронта Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова. Я хорошо помню ратные дела воинов, их беззаветную храбрость. Нам приходилось наступать в неимоверно трудных условиях, преодолевать тайгу, горы, пустыни, степи. Однако и пехотинцы, и танкисты, и артиллеристы, и представители всех родов войск показывали подлинные образцы героизма и мужества. Все горели одним желанием — поскорее разгромить японских самураев, окончить вторую мировую войну, принести долгожданный мир...

Подполковник В. М. Олейник правдиво описал эти события, раскрыл истоки героизма и мужества советских воинов. Думаю, записки непосредственного участника боев с интересом прочтут и ubеленные сединой ветераны, и молодежь, продолжающая дело отцов и старших братьев.

Дважды Герой Советского Союза
генерал армии А. Белобородов

Дочери Светлане и ее сверстникам — комсомольцам семидесятых годов посвящаю

1

Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти. В просторном, светлом помещении идет партийное собрание. И я, только что успешно сдавший выпускные экзамены в Орловском бронетанковом училище имени М. В. Фрунзе, рассказываю свою биографию.

Кандидатом в члены партии я стал поздней осенью 1942 года, на Северо-Кавказском фронте. После очередного боя в пропитанной насквозь сыростью землянке собрались коммунисты. Голоса выступающих порой заглушал грохот разрывов снарядов и мин...

Сейчас обстановка другая. И все-таки я никак не могу унять охватившего меня волнения, когда вижу, как дружно голосуют коммунисты, решая вопрос о приеме меня в члены ленинской партии.

— Отдам все силы служению Родине, буду стараться с честью оправдать высокое доверие! — говорю я. А через несколько дней, получив назначение ко-

мандиром взвода, следуя вместе с пополнением в танковую бригаду, действующую на фронте.

В один из апрельских дней 1944 года наш эшелон прибыл к месту назначения. Только остановились на полуразрушенной станции, как налетели «юнкеры». Началась бомбежка. Люди с платформ, где техника, и из вагонов — врассыпную. Спешат убежать подальше, укрыться.

Вижу — двое бегут вдоль эшелона. Один, судя по погонам, подполковник, другой, в комбинезоне, неизвестно кто. Кричат что-то. Подбежав ближе, подполковник махнул рукой человеку в комбинезоне. Тот вскочил на платформу, к танкам моего взвода. Вражеская бомба ухнула неподалеку. Я — с ног долой, и подполковник, словно споткнулся, тоже упал набок.

А человек в комбинезоне успел юркнуть в танк и завести двигатель. Мощный рев мотора, казалось, перекрыл грохот бомб. Танк дернулся, встал поперек платформы, накренился, ткнувшись лобовой частью в землю, из выхлопных труб повалил дым. Но через минуту машина уже мчалась от эшелона, спеша вырваться из зоны бомбежки. По примеру неизвестного водителя и другие танкисты бросились к своим машинам. Через какие-нибудь полчаса эшелон был разгружен.

Неизвестным механиком-водителем, как позже выяснилось, оказался мой земляк — гвардии старшина Николай Любушкин. Погибший у меня на глазах подполковник был начальником тыла бригады.

В тот же день меня вызвал начальник штаба бригады гвардии майор Садовой.

— Раньше воевал? — нахмурясь, резко спросил он. Я вспомнил «разгрузку» под бомбежкой, смутился.

— На Северном Кавказе, автоматчиком, — и, набираясь смелости, добавил: — тоже в танковой бригаде...

Черные брови начальника штаба дрогнули, разошлись, глаза посветлели.

— Пойдешь в первый батальон... А просчет нынешний запомни. Ты — не автоматчик, а командир танкового взвода. Значит, обязан управлять действиями подчиненных, пример им показывать! Понял?

— Понял, товарищ гвардии майор! — ответил я.

Получив назначение, следуя в первый батальон. На душе и радостно, и беспокойно. На Украину пришла весна, ранняя, теплая. Словом, погода — благодать! Но весна на фронте — В. М. Олейник. Снимок это и масса хлопот. Бездорожье — беда для обозов.

Грязь мешает обеспечить нормальное снабжение войск. А танковым частям нужны боеприпасы, горючее, смазочные вещества.

Иду по весеннему лесу и с тревогой думаю: смогу ли я оправдать оказанное мне доверие? Справлюсь ли со взводом в боевой обстановке? Одно дело — учебный танкодром, другое — поле боя.

Из раздумья вывел окрик часового. Предъявил документы. Шагаю дальше. Снова часовой... Только к обеду добрался до расположения батальона.

— Откуда прибыл? — спрашивает комбат гвардии капитан Котловец. Я ответил.

— А родом откуда?

— С Волги, из Куйбышева.

— С главной улицы России, значит? Чудесные места! Мне под Сталинградом довелось воевать. Знаю, волжане — народ крепкий. У нас есть один в батальоне. Хороший воин, да и товарищ отличный. У вас еще будет возможность с ним познакомиться... А сейчас

В. М. Олейник. Снимок военных лет.

идите в роту Тихомирова и принимайте взвод. Командир этого взвода ранен, отправлен в госпиталь. Боевой командир. Много раз отличался в боях. Так что учтите это...

Бригада располагалась в лесу. Южную часть его занимал наш первый батальон. Я приступил к выполнению своих обязанностей. На опушке **АЛЫ** выкопали укрытия для танков, сверху замаскировали ветками. Чуть дальше, в лесу, отрыли землянки для жилья. Вскоре получили приказ: срочно проверить матчасть и вооружение.

Командир роты не отходил от меня. Я понимал: не доверяет, как новичку. Вежливо напомнил ему, что такая опека сковывает инициативу.

— Пойми меня, — горячился ротный, — комбат интересуется, как у тебя дела.

— Доложите ему, что взвод готов к выполнению боевой задачи в любую минуту!

Ротный улыбнулся, дружески хлопнул меня по плечу:

— В тебе и твоих ребятах я уверен, а контроль дела не повредит. Вон видишь, к нам новый гость идет, — кивнул он на подходившего гвардии старшину Любушкина.

;— Ну, его-то не комбат послал. Любушкин — мой земляк.

— Знаю, но он и парторг роты, — ответил ротный и пошел в расположение других взводов.

Любушкина знал я еще по совместной учебе в техникуме в городе Чапаевске. И вот неожиданно-негаданно встретился с ним весной сорок четвертого.

Я был убежден, что Любушкин идет поговорить по душам, вспомнить Волгу, былое. Вот уже который день доносит меня расспросами о родном городе. Мне, как отличнику, перед отправкой из училища на фронт давали отпуск. Я побывал в Куйбышеве, вот старшина

и интересуется моими свежими впечатлениями. Опять, наверное, о родных да знакомых заговорит.

— Здорово, Вася!

— Привет! — отвечаю.

— Как себя чувствуешь, — спрашивает, — перед танковым крещением?

— Так, — отвечаю, — как и перед пехотным!

Смеемся. Хлопаем по плечу друг друга.

— Ну, а теперь к делу, — говорит Любушкин. — В порядке партийного контроля...

По праву парторга и бывалого воина он придиричво осматривает машины. Щурится, хмурится, то под танк заглянет, то каблуком в гусеницу упрется, то рычаги управления потянет и отпустит. Но вот, кажется, и все. Любушкин выбирается из водительского люка. Нет, снова к ходовой части направляется.

— Иди сюда! — подзывает Любушкин механика-водителя Робышева, советует: — Подтяни правый ленивец.

Тот подходит, достает ключ.

— Сейчас, товарищ старшина, все будет в ажуре!

Стали подтягивать ленивец, но не тут-то было — не поддается.

Теперь Робышев хмурится, пальцы у траков осматривает. Ему тоже опыта не занимать. Ударил каблуком по гусенице. Та чуть дрогнула, глухо отозвалась. Вроде бы нормальный провес, и Робышев заявляет:

— Так сойдет, — и собирается убрать натяжной ключ.

— Нет, не сойдет, — не соглашается Любушкин.

Выбрасывать траки или менять их — работа трудоемкая. А если под огнем придется менять? И подумать жутко.

Видю, что гусеница натянута правильно. Но понимаю и Любушкина. Он руководствуется правилом: «Учеба никогда не повредит». Вот и решил парторг лишний

разок потренировать экипаж. Ведь гусеницы наиболее уязвимы в бою. Я поддержал Любушкина...

Вскоре я уже со многими успел познакомиться. В батальоне служат замечательные ребята, настоящие гвардейцы: командир батальона капитан Котловец, его заместитель по политчасти капитан Луков, начальник штаба лейтенант Ширяев, техник-лейтенант Сорокин — тоже волжанин, младшие лейтенанты Марченко и Петренко, механики-водители старшины Робышев и Ластовецкий, стрелок-радист Рулев, командир орудия Аникин... Они уже прошли закалку в боях, хорошо показали себя. У них есть чему поучиться.

А впереди нас ждут новые схватки с врагом, и мы к ним тщательно готовимся.

2

В конце июля 1944 года нас перебросили в Молдавию. Двухсоткилометровый марш совершили скрытно, стараясь убедить противника, что в ближайшее время на южном крыле фронта советские войска намерены только обороняться, удерживать за Днестром, в районе Тирасполя, ранее захваченные плацдармы.

Расположились в небольшом молдавском селении, окруженном садами, стали готовиться к наступлению. Накануне боя состоялось партийное собрание, на котором выступал гвардии майор Садовой. Он рассказал о задачах, стоящих перед бригадой, батальонами, призвал коммунистов быть примером в их выполнении.

Любушкин передал мне письмо-треугольник для родителей, сказав: «На всякий случай».

Августовская ночь. Теплый ветерок, напоенный запахами садов, освежает лицо. Небо над головой чистое и ясное. Ярко светят звезды. И тишина вокруг. Кажет-

ся, нет войны. Но мы-то знаем, что эта тишина обманчива...

Нелегкая задача выпала нашему батальону. Мы должны прорваться к мосту через Прут, захватить плацдарм на противоположном берегу и закрепиться. Следом пойдут другие танковые батальоны, а за ними — стрелковые части и подразделения. Словом, мы действуем на острие атаки, от нас во многом зависит успех прорыва вражеской обороны.

Завершена подготовка к наступлению. Экипажи заняли места в танках, на броне машин — десантники-автоматчики.

С рассветом началась артподготовка. Земля задрожала, словно в ознобе, забила в хаотическом переплясе огненных вспышек. Воздух завыл, застонал, засвистел. В небе повисли огненные дуги — это снаряды «катюш». Поднялись завесой, сливаясь воедино, веерообразные фонтаны разрывов.

Наконец комбат Котловец по рации скомандовал: — Вперед, за Родину!

Танки плавно тронулись с места, быстро набирая скорость, устремились к реке.

Мой взвод перевалил склон и по небольшой ложине двинулся вперед. Уцелевшая вражеская пехота не выдержала нашего напора, стала отходить. Но не успели мы проутюжить окопы и траншеи, как «залаяли» шестиствольные минометы, участились автоматные и пулеметные очереди. Враг огрызался.

У крутого берега батальон попал под массированный заградительный огонь дальнобойной артиллерии. Несколько машин загорелось. Мой взвод успел проскочить эту опасную зону, не понеся потерь. Уничтожаем на пути огневые точки противника. Рушатся траншеи, разлетаются брызгами щепок накаты блиндажей.

Миновали маленькую деревушку на самом берегу, впереди — крутой обрыв. Даю команду развернуться

параллельно реке в сторону моста. Сильный удар отбрасывает машину назад. Подстерегла и ударила откуда-то противотанковая пушка. Машина закрутилась на месте, остановилась. Снаряд угодил в гусеницу и разорвал ее. Надо натянуть гусеницу. Вспоминаю Любушкина — предусмотрительный парень, не зря заставил нас потренироваться.

Всем экипажем выскакиваем из танка. Погорячились. Двое уползают под машину — ранены. Десантники рассыпались веером, занимают круговую оборону. Смышлелый у них командир — гвардии старшина Ибрагимов, умело управляет действиями подчиненных.

Связываюсь по радио с комбатом, докладываю обстановку.

— Ждите ремонтников, — приказывает он.

Оцениваю создавшееся положение. Два танка моего взвода продолжают движение вперед. Наш — на месте. Башенный стрелок докладывает, что к нам подползает группа автоматчиков.

— Огонь!

Сразу же заработали оба пулемета. Залегли фашисты. За ними пристально наблюдают десантники Ибрагимова. И тут мы замечаем человека, который под вражеским огнем упорно ползет к нашему танку. Вот он вскочил, немного пробежал и снова залег. Прямо на него надвигается стальная машина с черным крестом на борту. Это тяжелый танк «тигр». Все ближе и ближе. Отчетливо видны отполированные до блеска траки. Лязг гусениц и рев двигателя заглушают все остальные звуки. Сотня метров... Пятьдесят... Тридцать... Пока что «тигр» не ведет огня по нашему танку, возможно, считает его сгоревшим. Припадаю к прицелу, стреляю. Полыхнуло у среза ствола, «тридцатьчетверка» дернулась. В прицел вижу, что наш снаряд угодил в цель. Багряно-черные клубы дыма и пламени окутывают вражеский танк. Судорожные, в агонии, рывки, и «тигр», охва-

ченный пламенем, остановился. Посыпались на землю горящие клубки — фашистский экипаж пытается спастись.

— Огонь!

Танковые пулеметы захлебываются очередями.

А тот человек, что полз по полю, вскакивает и бежит к нам. Снова упал. И тут же, поднимая столбы дыма, рвутся мины.

— Конец... — доносится по ТПУ¹ голос стрелка-радиста Бориса Рулева. — Жаль парня. Из-за нас погиб. Наверное, ремонтник.

А «погибший» ожил. Снова ползет по вспаханной минами земле. Вслед за наводчиком я выбрался из танка через десантный люк.

— Да это же Любушкин! — ахнул наводчик.

— Почему «позируем»? — спрашивает старшина и качает головой, заметив перебитую гусеницу. — Почему не сменили? Запасных траков нет?

— Все есть, старшина, — начинает Робышев. И тут Любушкин замечает перевязанную руку водителя.

— Есть еще раненые? — спрашивает Любушкин и настороженно оглядывает меня.

— Двое из экипажа и несколько десантников. Я, Коля, видишь, пока цел...

— Так, так. Ну, нечего время терять. Поднажми. Еще, брат, еще. Вот так. Хоп! — приговаривает он.

Зашевелились залегшие неподалеку вражеские автоматчики. Пуля срезала наводчика, замертво упал еще один наш десантник. Ибрагимов поднял своих бойцов в атаку. Пока в рукопашной десантники добивали гитлеровцев, мы вместе с Любушкиным колдовали над разорванной гусеницей. Наконец Николай выдохнул, вытирая пот со лба:

— Готово! Заводи!

¹ Танковое переговорное устройство.

Раненный в руку Робышев не мог вести машину. За рычаги сел Любушкин. Взревел мотор, танк рванулся вперед. И тут опять ударило противотанковое орудие. На этот раз я засек его. Подаю команду, и Любушкин вминает пушку в землю, крутнув «тридцатьчетверку» на сто восемьдесят градусов.

Мчимся к мосту. Мы почти достигли его, раздавив на своем пути еще несколько огневых точек. Однако атака батальона захлебнулась, уцелевшие машины начали отходить за пригорок, к садам.

Противник сопротивляется яростно. Сильный огонь пулеметов и орудий из дзотов вынудил залечь нашу пехоту. И все же один танк прорвался на мост. Раздался сильный взрыв, и машина вместе с пролетом моста рухнула в реку. Она затонула, но танкистам удалось спастись.

Укрывшись за холмом, я осмотрелся. Связываюсь по радио с командиром роты, докладывая, что захваченную позицию удерживаю силами своего взвода.

— Держитесь! — приказывает командир роты.

— Есть держаться!

Вскоре командир батальона, найдя пологий спуск к реке, сосредоточил танки для удара по селению Леушени с тыла. Второму батальону предстояла лобовая атака. Но фашисты нас опередили. Под прикрытием десятка тяжелых танков около полка пехоты бросилось в контратаку. Котловец приказал нам отрезать вражескую пехоту.

Сквозь грохот двигателя и лязг гусениц глухо донеслось раскатистое «ура». Это наши пехотинцы поднялись в атаку.

— Ну, Коля, — говорю Любушкину, — и нам в самый раз. Вперед!

— Есть, вперед! — отвечает Любушкин.

Танк стремительно наращивает скорость. Любушкин,

обгоняя автоматчиков, ведет боевую машину в самую гущу фашистов. Рулев косит их из пулемета.

Приказываю другим экипажам взвода:

— Делай, как я!

Разворот — и машины понеслись по узкой улочке селения. С ходу проскочили Леушени и завязали бой на окраине. На нашем левом фланге действовал третий батальон гвардии капитана Колбинского. Преодолев упорное сопротивление гитлеровцев на подступах к селению, его танки на большой скорости устремились вперед, намереваясь прорваться в Леушени. Это обеспечило успешное продвижение и нашего батальона.

Колбинский был уже близок к цели. Но вдруг идущие впереди танки попали под губительный огонь вражеской артиллерийской батареи. Несколько машин были подбиты. Остальные стали пятиться назад.

В этот критический для батальона момент из-за укрытия вышел взвод «тридцатьчетверок» и начал обходить вражескую батарею с тыла. В наушниках шлемофона зазвучал голос Саши Мартиросова. Я узнал его по характерному акценту. Стреляя с ходу и с коротких остановок, он на своей «тридцатьчетверке» опередил другие машины. Вражеские снаряды рвались сзади, сбоку, но Саша проскакивал между ними, будто загворенный. Сказывался его боевой опыт.

Тем временем танки батальона Колбинского, сломив сопротивление гитлеровцев, достигли села и вступили в бой на его узкой улочке. Убедившись, что сопротивление бесполезно, гитлеровцы отошли. Наши пехотинцы овладели переправой. Танки вышли на румынский берег.

Пропахшие порохом, усталые и оглохшие, выбрались мы из машины. На лице у Любушкина кровь. Оказалось, он был ранен еще во время ремонта гусеницы.

Движемся в глубь Румынии, освобождая от гитлеровцев один населенный пункт за другим. Нас встречают местные жители: женщины, дети, старики. Обнимают, суют в прокопченные руки цветы, забрасывают ими танки. С такой радостью встречают только освободителей.

При виде русских танков румынские солдаты и офицеры бросают оружие и поднимают руки. Война для них кончилась, и они вполне довольны таким исходом. Но гитлеровцы не сдаются, их упорное сопротивление преодолеваем, неся большие потери.

Наши войска растекаются по дорогам Румынии. Конец августа. Еще по-летнему палит горячее южное солнце. Густые клубы пыли нависают над грохочущими танками, над головами бойцов. Пыль оседает на волосах и на лице, разъедает глаза и вместе с потом стекает за ворот гимнастерки.

Тяжела военная дорога... Но воины сознают, что ведет она к логову врага — Берлину.

Однако до штурма рейхстага еще далеко. Предстоят бои за освобождение Болгарии. Наша бригада готовится к ним. Два дня стояли мы вблизи границы. И вот поступил боевой приказ комбрига: при переходе румыно-болгарской границы огня не открывать, чтобы не разрушать болгарские села и города.

Первый на нашем пути город Шумен. Трудно передать словами, с каким ликованием и сердечностью встречали нас там. Всюду слышались возгласы:

— Добро пожаловать!

— Добре дошли, наши друзья!

И объятия, улыбки, цветы.

Вот он, первый на болгарской земле дом, куда нас пригласили в гости. Небольшой, похожий на наши украинские хатки, с беседкой, увитой виноградными лозами. Гостеприимная пожилая хозяйка и ее муж — партизан не отходят от нас ни на шаг.

Хорошо нам на болгарской земле. Но война не кончилась, фронтовая дорога зовет дальше. Покидаем территорию дружественной Болгарии. Нашей бригаде присвоено почетное наименование, теперь она: 41-я гвардейская Шумлинская...

Предстоял марш через Трансильванские Альпы. Дороги здесь узкие. Прозевай механик — и загремишь в пропасть. А места — загляденье! В стремительных потоках, в тени высоких утесов снует между камней форель с ярко-красными капельками-точками на спине. Красивая рыба. И вкусная. Румынки угощали — нам очень понравилось.

Спускаемся в долину с зелеными полями и быстрой речкой. Виноградники. Буйно-зеленые перелески. Аккуратные домики под черепицей. Останавливаемся в селе Жаблоницы на отдых. Радостно на сердце. 24 августа Румыния прекратила военные действия против Советского Союза и объявила войну фашистской Германии. Жители ликуют, дарят танкистам цветы, угощают фруктами, приглашают к себе в гости.

Нынешняя осень богата плодами. Тут и ароматная золотистая айва, и желтые груши, и аппетитные арбузы, и орехи в ярко-зеленой, как еловая хвоя, кожуре. Сбор фруктов — это самый большой праздник для жителей села.

Каждый вечер в тенистых аллеях собираются девушки и парни. Звучат над селом песни. Местные жители все в красивой национальной одежде: длинные белые рубахи до колен сшиты из домотканого холста, на ногах постолы — кожаные самодельные чукьяки с острыми, загнутыми вверх носами. На головах шляпы.

Девушки и парни охотно приглашают танкистов на

свои гулянья. Мы от приглашений не отказываемся. После тяжелого трудового дня солдатам приятно посидеть под раскидистыми деревьями, послушать шелест листвы и песни девушек.

Увидел Любушкин, как румыны пляшут, и сам не удержался. Сбросил танкошлем и ударил «русскую» с присвистом и прихлопом. Ему подыгрывали на каких-то странных, незнакомых нам инструментах.

В Жаблоницы прибыло к нам пополнение — новые танки, а с ними — новые люди. «Тридцатьчетверка» уже не та. Усилилось ее вооружение: калибр пушки 85 миллиметров. На тысячу метров любую броню прошить можно, а удара бронебойным и термитным снарядом даже лоб «тигра» не выдерживает. Лобовая броня стала толще, бортовая тоже. Повысился запас хода.

— Но как ни хороша техника, главное — в каких она руках! — так закончил свой рассказ о новых танках помпотех (помощник комбата по технической части) гвардии старший лейтенант Гусаченко. В пример он поставил старшину Любушкина.

Торопимся быстрее привести все в порядок. Умело проведенные сложные боевые операции позволили корпусу добиться крупных успехов, но при этом он понес большие потери в технике и людях. Благодаря стараниям наших ремонтников во главе с помпотехом Гусаченко удалось восстановить и поставить в строй немало машин.

И снова бои, жаркие, тяжелые. Получен приказ: готовиться к глубокому рейду по тылам противника с целью дезорганизовать их и облегчить прорыв с фронта. Задача не из легких. Чужая земля. Чужие люди. Незнакомый язык.

Наша бригада сосредоточилась в трансильванском городе Арад. Ее усилили, придав тяжелый танковый полк.

Ночью выходим на исходные позиции. Дождь льет уже не первые сутки. Дороги развезло. Гусеницы намаывают на себя пуды грязи. Около часа длится артподготовка. Но вот подошло и наше время. Прозвучала по радио дополнительная команда:

— Вперед!

Танки разом устремились в атаку. Но из глубины вражеской обороны навстречу им ринулись «тигры» и «фердинанды». Первым удар вражеских танков принял наш батальон. Гвардии капитан Котловец находился в головной машине, которую вел старшина Любушкин. На нее двинулся, чуть изменив курс, передний «тигр». Наши танкисты упредили врага — пушка полыхнула языком ослепительного пламени, и «тигр» задымился.

Я до боли сжал зубы, видя, как с фланга на танк Любушкина двинулась быстрая, почти как наша «тридцатьчетверка», приземистая «пантера». Любушкину надо бы подставить лоб своей машины, но он не делает этого, значит, не видит «пантеры».

Припадаю к прицелу, кричу:

— Бронебойным!

Знаю: в оптическом прицеле «пантера» покажется лишь на долю секунды. Прозевать нельзя. Надо точно определить дистанцию, учесть упреждение, не дать врагу уклониться, выстрелить так, чтобы он сам «наехал» на летящий снаряд. Вот этот миг! Стреляю. «Пантера», взметнувшись, словно конь, на дыбы, оседает на корму и загорается.

Но и я попал в переплет. По моему танку открыли огонь два вражеских. И тут на помощь мне пришел Любушкин. Он смело рванулся на фашистские машины и отвлек их внимание на себя.

Бой то утихал, то разгорался с новой силой. Бригада упорно продвигалась вперед. Тяжелый танковый полк, приданный нам, не отставал. Его снаряды прошивали фашистские танки насквозь — через оба борта.

Передний край обороны остался далеко позади. Тылы тоже. Значит, экономь горючее и боеприпасы.

Утром попадаем в ловушку. Подпустив нашу колонну, гитлеровцы ударили внезапно броней и термитными снарядами. Вспыхнуло сразу несколько танков. Загорелся и мой. Покидаем машину и бежим к танкам, что идут за нами. Теперь мы — обыкновенные десантники.

Из танка трудно увидеть всю картину боя — слишком ограничен обзор. А сейчас все как на ладони. И сразу охватывает тебя какая-то странная растерянность, ты, танкист, впервые кажешься себе незащищенным, забыв, что автомат и гранаты — тоже оружие. Но такое состояние длится недолго, быстро берешь себя в руки.

Отвечая огнем на огонь, бригада вырвалась из зоны губительного обстрела. Но снова не легче: дневной свет — помеха, да еще распогодилось не вовремя, нас обнаружили самолеты. Стали бомбить. Пришлось свернуть с дороги и укрыться в перелеске.

Я отыскал свои оставшиеся во взводе два танка. Сажусь в один из них. Гитлеровцы, вероятно, решили, что покончили с нами, но бригада, несмотря на понесенные потери, сохранила боеспособность. Приданный нам тяжелый полк почти не пострадал: спасла сверхпрочная броня. Комбриг принимает решение. Бригада разворачивается и берет направление на город Беренц-Уйфал.

Атака оказалась внезапной, в бой введены все силы, которыми мы располагали. Фашисты не успели контратаковать танками, а это нам на руку. Сминая артиллерийские батареи, бригада и приданный ей полк тремя колоннами ворвались в город. Завязались уличные бои. Особенно ожесточенное сопротивление противник оказал в центральной части города.

День уже был на исходе. Мы то продвигались впе-

ред, то снова отступали, укрываясь за домами. Попытки атаковать в лоб успеха не имели, за них приходилось расплачиваться потерями в живой силе и технике. По радио получаю приказ комбата:

— Обойдите с тыла дом, что у вас на правом фланге, и атакуйте!

Вместе с Марченко и Аникиным иду в разведку. Устанавливаем, что дом обороняет большая группа эсэсовцев, укрывшихся за толстыми стенами. Во дворе — два «тигра» и бронетранспортер со спаренными крупнокалиберными пулеметами. «Тигры» ведут огонь вдоль главной улицы по основным силам нашего батальона. Пулеметы с бронетранспортера не дают подняться с земли десанникам.

Посылаю один из своих танков влево по переулку. Он выходит в тыл к эсэсовцам. На тихом ходу выбрался и наш танк из-за укрытия — каменной изгороди какого-то склада. Движемся, крадемся, если можно применить это слово к рокошующей мощным мотором и лязгающей гусеницами машине в тридцать две тонны весом. Вроде бы «тигр» рядом, за изгородью, — угадываю по выстрелу. Так и есть — стоит. Механическим приводом разворачиваю пушку и фугасным снарядом — по моторной части. Сразу полыхнул, гад! Марченко в это время из своего танка бьет по бронетранспортеру. А я уже ловлю в прицел другого «тигра». Тот пытается развернуться орудием ко мне. Посылаю ему гостинец — фугаску, и тут же — осколочными снарядами по заложенным кирпичами окнами дома-крепости.

Через узкий прямоугольник триплекса вижу, как танк Любушкина устремляется в лобовую атаку, поливает огнем эсэсовцев, утюжит завалы на мостовой. Эх, увлекся Любушкин! Рухнула стена, и в борт его «тридцатьчетверки» смотрит в упор ствол «фердинанда», вражеского самоходного орудия.

— Николай! — кричу по радиации Любушкину. — Уйди влево!

Нажимаю на спуск, и наш снаряд ослепляет «фердинанда». Но он все-таки бьет вслепую. Танк Любушкина дернулся и, накренившись, встал.

— Комбат убит! — доносит радио горькую весть.

Танк Любушкина горит, заволакиваясь дымом. В это время враг ударил и по моему танку. Снаряд попал в трансмиссию, машина загорелась. Даю экипажу команду покинуть ее. Спасти танк уже нет возможности. Оглушенные, укрываемся в подвале. Сюда же Любушкин с экипажем принесли погибшего комбата.

У гвардии капитана Котловца была репутация храброго и опытного офицера. Окончив перед войной военное училище, он сразу же попал на фронт, был трижды ранен. Тридцатилетний воин прошел суровую школу боев под Сталинградом, участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, имел опыт форсирования Днепра, Западного Буга, Вислы и Прута. И вот смерть вырвала его из наших рядов. В этом же бою погиб и его заместитель по политчасти гвардии капитан Гладких.

Да, трудный это был бой. Но, несмотря на тяжелые потери, мы вышли из него победителями. Фашисты откатились к городу Орадео-Маре.

Итак, на пути бригады — крупный центр Трансильвании город Орадео-Маре. Важный узел коммуникаций и сильный опорный пункт обороны противника. А бригада измотана в боях. В ней осталось совсем мало танков.

У меня во взводе уцелела всего одна машина. Подготавливали ее к бою. Можно малость отдохнуть. После всего пережитого люди буквально валились с ног. Меня тоже сморил сон. Но поспать не пришлось, разбудил Борис Рулев, мой стрелок-радист:

Стараюсь привести себя в надлежащий вид. Члены экипажа отдают мне сносную одежонку, поцелее, не такую обгоревшую. Командиров взводов в штаб бригады вызывают не часто. «Зачем это я понадобился?» — гадаю по пути...

— Откуда такой щеголь? — спрашивает комбриг полковник Лаптев, оглядывая меня с ног до головы.

Одет-то я не по форме. Пилотка чешская, китель фрицевский, наши только сапоги.

— Свое в бою обгорело, товарищ гвардии полковник, — оправдываюсь я.

— Ясно. Докладывайте об отличившихся, — уже мягче говорит комбриг.

Я вроде бы потерял дар речи. Доклада не получилось. Вмешался начальник штаба гвардии майор Садовой, и стало ясно, что мой взвод отличился. Особенно отметил меня и Любушкина. Это, мол, волжане, воюют смело. Потом заговорил комбриг:

— Особое задание, земляк. Бери мой танк, танк начальника штаба, свой, что уцелел. Пойдешь в разведку боем. Цель — выйти к Орадео-Маре. Карта есть? Видишь проселочную дорогу? Двигай по ней до города. Время от времени постреливай, вызывай огонь на себя. Немцы ответят — засекай и данные — шифровкой по радио в штаб. Ясно? Постреливай-то постреливай, но боекомплект экономь. Тылы наши отрезаны. Так-то вот... Для подготовки времени нет. Поторапливайся. Дальнейшие распоряжения по радио. Будет возможность — прихватите языка, желательно посолиднев.

Полковник помолчал, прикрыв отяжелевшими веками глаза, затем тряхнул головой, взглянул веселее:

— Вопросы есть? Нет. Раз задача ясна — приступай к ее выполнению. В путь, орлы!

Итак, мой взвод, пополненный другими экипажами, получил задачу на разведку боем. Со мной идут прославленные танкисты: гвардии младший лейтенант Иван

Марченко, донецкий шахтер, командир танка комбрига и старшина Любушкин.

Темень хоть глаз выколи. А включить фары — обнаружить себя раньше времени. Гусеницы не щупальца, но все же ухитряемся обходить вслепую ямы, воронки от снарядов и мин.

Движемся не слишком быстро. Враг молчит. А может, с дороги сбились? Будь проклята эта темнотища. Включить фару? Получишь гостинец — стальную болванку. Нет, включать освещение нельзя.

Все медленнее движется «тридцатьчетверка», ползет, одним словом. И вдруг — стоп! Совсем стала, клюнув носом. Так можно и пушку повредить.

— В чем дело? — спрашиваю механика-водителя Робышева.

— Ничего не вижу, командир, — слышу в ответ. — От напряжения, что ли, совсем ослеп. Вот и втюрился в кювет...

Выбираемся из танка. И почти не видим друг друга.

— Дело дрянь, — говорю. — Из кювета вылезем, а дальше как? Таким ходом мы к рассвету недалеко уйдем. Срыв задания и прочее...

— Взятся за гуж — не говори, что не дюж, — это Любушкин подошел, узнаю по голосу. Танк его сослепу в корму моему едва не ткнулся.

— Вот, Коля, — сетую, — какая доля...

— Не тужи, командир, — отвечает старшина и снимает с себя верхнюю одежду, до нательной рубахи.

— Видишь теперь меня? — спрашивает Любушкин и отходит подальше.

— Вижу, Колька. Вот молодец! — разгадываю я замысел Любушкина: белая рубаха далеко видна в темноте.

— Тогда в путь, — говорит Любушкин. — Я трусцой подамся по дороге, вы на рубаху ориентируйтесь.

Двинулись мы. Впереди, маяком, Любушкин.

Нет, недаром назначил его комбриг командиром танка. Смекалки и опыта Любушкину не занимать!

Вижу белую рубаху в ночной темноте. Только вот выдохся Любушкин, надо его сменить. Выпрыгиваю из танка, начинаю снимать комбинезон.

— Постой, командир, моя очередь. Ты отвечаешь за разведку, — это говорит Марченко, он уже разделся, стоит в нательной рубахе.

Марченко побежал вперед. Танк за ним. Мы где-то на подступах к городу. Надо сверить карту с местностью. Выхожу из танка. Перелезаю через обочину дороги и неожиданно проваливаюсь правой ногой в яму. Быстро отдергиваю ногу. Передо мною вырастает фигура — это враг.

— Хальт!

В предрассветной тишине этот крик — словно раскат грома. Коротким сильным ударом сбиваю фашиста с ног. Но все вокруг уже всполошилось, ожило. Резанула воздух автоматная очередь, за ней другая, третья. И пошло... Выстрелы слились в сплошную трескотню.

Оказалось, что весь десятикилометровый путь проделан нами по расположению немецкой обороны. В панике гитлеровцы открыли огонь и завязали между собой ожесточенную перестрелку.

• Пока фашисты стреляли, убивая друг друга, мы с подоспевшим Любушкиным связали притихшему гитлеровцу руки. Десантники втащили его на танк. И снова — вперед!

Нас заметили, ударили сразу несколько орудий. Только успевай засекай. Но и нам горячо приходится. Вижу, по правую сторону дороги темнеет перелесок. Решаю: стремительным броском уйти из зоны прицельного огня под прикрытие деревьев. Сообщаю о своем решении командирам танков. Нужно закрепиться в этом перелеске.

Рассвет занимался медленно, по-октябрьски мгли-

стый, прохладный. Дмитрий Аникин высунул голову из люка, осмотрелся. Впереди смутно серела опушка леса. Там враг.

Лес безмолвствовал. Но гвардии старший сержант Аникин и все мы, его боевые друзья, знали: через несколько минут этот лес взорвется орудийным грохотом, пулеметно-автоматной стрельбой.

Так оно и случилось. С наступлением рассвета немецкие танки и противотанковая артиллерия открыли огонь по перелеску, в котором мы укрылись. Засаеваем позиции врага, наносим на карту и шифровкой докладываем в штаб. Получаю приказ занять круговую оборону, держаться до прихода наших и, естественно, продолжать разведку.

Положение, конечно, сложное. Три советских танка и горстка десантников в тылу врага. По нам ведет огонь артиллерия, стреляют танки. Тяжело. Но мы довольны. Ведь и задача-то наша — вызвать огонь на себя, чтобы вскрыть оборону противника.

Судя по обстановке, гитлеровцы нам еще дадут жару. Роем укрытия для танков, маскируем их ветвями, чтобы с воздуха не обнаружили. Снаряды с воем проносятся над нашими головами, рвутся вокруг. Понимаем, что фашисты обязательно предпримут атаку, чтобы уничтожить нас. Мы готовы к ней. Снаряды в казенниках, орудия наведены на врага. С тыла нас охраняют десантники. Они тоже хорошо подготовились, окопались.

Посылаю в штаб бригады сведения, полученные от захваченного пленного. Прикрываясь артиллерийским огнем, в атаку идет вражеская пехота. Подпускаем ее метров на пятьсот и открываем огонь из пушек и пулеметов.

Прямо перед нами рвутся снаряды. Комья земли, осыпаясь, грохочут по броне. Пристрелялись...

Показались вражеские танки. Считаю: один, два,

три. И еще две «пантеры» появляются на флангах, обгоняют тяжелые танки. Загибают фронт подковой. «Клещи» — разгадываю я маневр немецких танкистов. Приказываю взводу приготовиться к отражению атаки. Ловлю в прицел головной «тигр». Не выпуская его из перекрестия, жду, когда подойдет поближе. Фашист меня не видит пока, бьет вслепую. Открываю огонь по нему. Первый снаряд срикошетил. Стреляю еще раз. Опять рикошет. От третьего не уйдешь!

— Вася, разреши?.. — Радио доносит до меня просьбу Любушкина. Его танк стоит в кустарнике, а не в окопе, он может маневрировать. А наш нет.

— Давай, Коля, покажи им кузькину мать! — передаю ему по радио.

«Тридцатьчетверка» Николая выскакивает из перелеска. Экипаж вражеского головного танка замечает ее. Ствол пушки «тигра» ползет в сторону. Мало. Доворачивает корпусом. Ага. Вот это нам и требовалось. В прицеле моего орудия борт «тигра». Нажимаю на спуск. Качнулся бронированный хищник и опустил ствол орудия. Из разорванного борта вырвались малиново-красные языки пламени. Посыпались черные фигурки из люков.

— Пулемет! — команду я.

А в это время Любушкину подставила неожиданно для себя свой низкий борт фланговая «пантера». Здесь ей и конец! Рубанув по ней, Любушкин включил заднюю передачу и на полном газу к опушке — укрылся за деревьями и кустами. Ловко!

Вражеские танки, не разворачиваясь, стали пятиться. Струхнули!

Небольшая пауза, в смысле — затишье. Приглашаю к себе командиров танков.

— Мы на острие главного удара. Враг это прекрасно понимает. Отбитая атака не последняя. Может быть, что-нибудь предложите?

— Как это понимать? — удивился Любушкин, а Марченко нахмурился.

Поясняю:

— Можно держаться, а можно и отойти. Приказ на разведку боем выполнен. Данные переданы в штаб.

— Брось, Вася, шутить. Раз вышли на рубеж, надо его удерживать. Назад нам дороги нет! — говорит Любушкин.

— А как думает Марченко? — спрашиваю я. Любушкин — старшина, мы — офицеры, но Любушкин — парторг, а это многое значит.

— Надо держаться! — твердо отвечает Марченко.

— Будем держаться! — удовлетворенно подвожу итог, не признаваясь, что просто хотел проверить их настроение и укрепить в себе уверенность. Положение наше тяжелое, его можно определить двумя словами: полное окружение. Я не терплю этих слов, поэтому и не произношу вслух.

Снова обстрел. Рядом шлепаются осколки, нас обдает грязевым душем. Любушкин поднимает голову и смотрит на небо. Тучи разошлись. Обгоняя друг друга, они уплывают за горизонт.

— Распогодилось! — говорит с сожалением старшина, и мы хорошо понимаем, что он думает: следует ждать «гостинцев» с неба.

Действительно, вскоре послышался рокот, он все нарастает. И вот уже над перелеском кружит самолет-разведчик. Пилот едва ли видит нас. Вероятно, фотографирует местность. Полетал, покружил и скрылся. Сам разведчик не опасен, но его фотоданные могут навести на цель и штурмовиков, и бомбардировщиков, а то и дальнобойная артиллерия откроет огонь.

Так и есть — затишью конец. Опять начинается обстрел. Сидя на дне окопа, командир десантников гвардии старшина Ибрагимов решил написать письмо домой. С бумагой на коленях слюнявил он огрызок ка-

рандаша. Осколок угодил ему в голову. Я поднял обороненный листок. «Дорогие мои, сообщаю о себе: я жив и здоров...» — только и успел написать старшина.

Комбриг запрашивает по радио:

— Живы?

— Живы, — отвечаю.

— Продержитесь еще немного. Подкрепление в пути.

— Продержимся.

Отбиваем атаку за атакой. Стволы пушек и пулеметов сильно раскалены. Один за другим выбывают из строя люди. Обнаглевшие вражеские автоматчики подобрались к самому перелеску. Десантники в рукопашной уничтожили их, а одного взяли в плен. Немец похож на огородное чучело: долговязый, худющий, боится, как бы не пристрелили. Лопочет, что он, мол, «арбайтер» — рабочий, значит. Говорит захлебываясь. Мобилизую школьные запасы, и мне удастся понять, что противник сосредоточивает танки и самоходки, чтобы утром ударить по нам.

Сообщаю об этом в штаб. С нетерпением жду ответа. Мне ясно, почему немцы так нерешительно атаковали нас. Производили разведку. Теперь они знают, какие силы противостоят им. Утром гитлеровцы ринутся всей лавиной, чтобы уничтожить нас.

Спрашиваю одного из солдат:

— Устал?

— Тяжело, товарищ лейтенант, но надо выстоять!

Все мы думаем так же. Гвардейцы полны мужества, верят в свои силы.

... Не знаю, сколько прошло времени. В голове гул и звон. В висках стучит. Пытаюсь встать, стараюсь преодолеть головокружение, но снова валюсь на дно окопа. Кто-то вроде склоняется надо мной, вижу что-то темное, расплывчатое.

— Кто здесь? — хриплю.

— Это я, Вася, не узнаешь?

— Любушкин, — шепчу я. Беру его за руку и притягиваю к себе. Ощущаю его горячее дыхание. Сознание начинает проясняться.

— Что случилось, Коля? — спрашиваю.

— Ну, мать честная, воскрес! — говорит Любушкин. — Тряхнуло малость тебя. Бомба. Танк, вон видишь, вздыбило, — указывает Любушкин на танк, осевший на корму. Я узнаю свою «тридцатьчетверку», окончательно прихожу в себя и вспоминаю все, что случилось. Меня изрядно контузило.

— Машина в исправности? — киваю на свой танк.

— Как и ты — отделалась встряской! — шутит Любушкин.

В лоб атаковать нас гитлеровцы не решились, побоялись. Словом, атака, о которой говорил пленный, не состоялась. Но бомбежку они устроили отменную. Да и сейчас артиллерия не умолкает, только уж очень нерешительный огонь: то беглым ударят, то одиночные орудия бьют, перелет да недолет. Но вот огонь стих. Что-то случилось. А вскоре наблюдатель доложил:

— Танки с тыла!

Хватаю бинокль, но и простым глазом видно. Считаю по привычке:

— Один, два, три, четыре...

— Пять, шесть, семь! Да это же наши, Вася! — Любушкин подскочил ко мне.

Я, не веря своим глазам, поднимаю бинокль и тут же опускаю его. Радостно кричу:

— Наши!

На мотоцикле подлетает офицер связи. Узнаю Ирину Левченко. Развернув карту, она знакомит с обстановкой и передает приказ комбрига. Теперь у нас десять «тридцатьчетверок» — это уже танковая рота. Сила!

— По машинам! Заводи!

Город в двух километрах. Его центральная улица — это дорога на Дебрецен. Фашисты всеми силами стараются удержаться здесь. Слева к городу прилегают леса и перелески, кукурузные поля. Там, по словам Левченко, уже накапливается наша пехота.

У железнодорожного переезда танков противника, по нашим данным, нет. Решаю двигаться туда.

— Вперед! — подаю команду.

И вот мы уже врываемся в Орадео-Маре. «Тридцатьчетверки» с ходу открывают огонь. Торопимся подавить батареи, пока фашисты не опомнились и не ввели в бой свои танки. Стреляем по окнам и крышам домов: оттуда бьют крупнокалиберные пулеметы. Проскочив окраину, вырвались на главную улицу.

Десантники действуют расчетливо — выбивают фашистов из подвалов, зорко охраняют наши машины. Без десантников в уличном бою танками не навоюешь. Смотри в оба. Гранаты сыплются отовсюду.

«Залаяла» батарея шестиствольных минометов. Любушкин устремился на нее. Он уже был у цели, когда, сбросив с себя навалившуюся кирпичную стену, словно отряхнувшись от пыли, из развалин выполз «тигр». Ствол нацелен в борт танку Любушкина. Я нажал на спуск. Снаряд — счастливая случайность! — угодил в ствол пушки и срезал его, отрубил по самую башню. Вторым выстрелом я вспорол борт вражеской машины.

Справа, тоже из развалин, выполз еще один «тигр», но Любушкин уже успел расправиться с вражеской батареей и быстро развернулся. Выстрелил и, с ходу пробив стену дома, скрылся в пламени и дыму. Я обошел подожженный им вражеский танк и — в тот же пролом. И вовремя: Любушкин и Марченко отбивались от противотанковой батареи. Помогаю им, ведя огонь осколочными. Сообща подавили батарею.

«Кажется, все!» — думаю я и, открыв верхний люк, осматриваюсь. Секунда — и я захопываю люк. С тре-

Экипаж машины боевой. Слева направо: Б. Ф. Рулев,
А. М. Солонин, В. М. Олейник, Д. В. Аникин и Н. С. Робышев.
1944 год.

ском шибануло снарядом по башне. Это из окна ближайшего дома напротив рывкнула установленная там противотанковая пушка.

— Назад! — приказываю механику-водителю Робышеву.

Он мгновенно выполняет команду. И все же второй снаряд угодил в нашу машину. Мы лишились хода. Разворачиваю башню и стреляю осколочными.

— Ура! — мимо танка потекла лавина нашей пехоты.

«Теперь-то закрепимся», — думаю я. Подошли и

остальные батальоны. До наступления темноты город был очищен от противника.

Любушкин вскочил на башню, я поднялся на свою. Ярко освещенные закатным солнцем, на поле, уходящем к лесу, за городом, дымились черные коробки немецких танков. Около двух десятков насчитали мы только в поле, а сколько их осталось в развалинах города? И перед тем перелеском, в котором мы двое суток держали оборону?

— Так и будет, — говорит Любушкин. — За один наш танк — пять, — он сжимает ладонь в кулак, потом поднимает левую и тоже — в кулак, — а то и десять фашистских.

Подкатывает «виллис» комбрига. Докладываю полковнику Лаптеву о выполнении боевого задания.

— Молодцы! — говорит комбриг. — Отдыхайте...

«Виллис» огибает завал на дороге и скрывается за поворотом. Я направляюсь к своему танку. Механик-водитель Робышев копается в моторе, пытается определить, почему заглох двигатель; прямых попаданий в него вроде бы не было. И тут разрыв. Откуда-то прилетел шальной снаряд. Я хватаюсь за голову и чувствую, как сквозь растопыренные пальцы течет что-то теплое: кровь. Меня подхватывают Робышев и стрелок-радист Борис Рулев.

— Вот тебе и на. Вот тебе и раз. Надо ведь... — говорю я. — В таком бою уцелел, а тут...

— Заводи! — командует Любушкин своему водителю и везет меня в санчасть бригады. — Не тужи, царпина. Все будет в ажуре! — успокаивает он меня.

То же самое сказала мне позднее бригадный военфельдшер гвардии лейтенант медицинской службы Зоя Зинина. И я ей верю. Раз сознание не потерял, значит, — порядок! Надо просто чувствовать себя везде и в любом положении солдатом!.. После соответствующей обработки раны возвращаюсь во взвод.

Бои следуют один за другим — рвемся к Дебрецену.

Прохладное октябрьское утро. Дают знать о себе первые осенние заморозки. И от опавших листьев, и от первой прохлады веет грустью увядания. Солнце восходит лениво, будто знает, что ему некуда торопиться, так как оно уже не в силах оживить природу.

Наша машина подбита вражеским снарядом. Броня — не шуба. От пуль защищает — от холода нет. Вылезаю из башни и чувствую, как холод пронизывает все тело. «Пойду в дом, погреюсь», — решаю я.

Вместе со мной идет радист Рулев. Заходим в дом. На деревянной скамейке в кухне сидят пожилые люди: хозяин и хозяйка. Спрашиваю, давно ли ушли немцы. Хозяин что-то бормочет в ответ, а хозяйка испуганно смотрит на меня. Открываю дверь в переднюю. В углу топится печь, весело потрескивают дрова. Подхожу, грею руки. Вдруг сзади кто-то крепко обхватывает меня и валит на пол. Одновременно раздается выстрел. Чувствую, что напавший на меня человек разжимает руки и откидывается в сторону. А Рулев уже стреляет в другого немца, кинувшегося на него. Я тоже выхватываю пистолет и сваливаю еще двух немецких солдат. Оказывается, фашисты устроили в этом доме засаду. Если бы Рулев помедлил войти в комнату следом за мной, не быть бы мне в живых.

А с улицы уже кричат, что и в других домах немцы. Мы выбежали из дома, быстро забрались в танк. Немцы черными тенями перебегают от дома к дому и скрываются в лесу.

В перелесках бродят остатки разгромленных подразделений гитлеровской мотопехоты. По лощинам и

балкам прячутся артиллеристы и минометчики. Нередко на большой скорости проносятся мимо вражеские автомашины.

— Как самочувствие, Борис? — спрашивает Рулева Робышев.

— Нормально.

— Давай устанавливай связь с бригадой.

Рулева в схватке ранило в руку, вот Робышев и беспокоится. Руку кое-как перевязали, на всякий случай наложили шину. До вечера экипаж отбил несколько атак гитлеровцев, которые пытались захватить нашу подбитую машину. Когда наступила темнота, механик и башенный стрелок вышли из танка. Они еще раз хотели попытаться найти повреждение и исправить его. Но немцы, видимо, наблюдали за танком и обрушили на нас автоматный огонь.

Вторая ночь в осажденном танке прошла беспокойно. Немцы освещали нашу машину ракетами и вели по ней огонь из пулеметов и автоматов. К танку пытались подойти немецкие автоматчики, но каждый раз Аникин и десантники отгоняли их меткими очередями.

Фашисты направили к нашей «тридцатьчетверке» бронетранспортер и тягач: видимо, хотят взять ее на буксир. Аникин подпустил вражеские машины почти вплотную, а потом в упор ударил по ним осколочными снарядами. Бронетранспортер и тягач были разбиты. В отместку немцы начали обстреливать наш танк. Снаряды ложились почти рядом, засыпая машину осколками и землей. Аникин ранен. Но мы продолжаем оставаться на своих местах и отбиваться от врага.

На третьи сутки прекратилась связь со штабом бригады, куда экипаж посылал короткие сообщения. Что случилось? Скорее всего, бригада ушла слишком далеко, мы оказались вне зоны действия радиосвязи.

На исходе третьи сутки нашей осады. Наступает

минутное затишье, и тут же раздается надрывный рев мотора. Первая мысль: немцы пустили на нас свой танк. Но, прислушавшись, Робышев говорит:

— Братцы, это не танковый мотор. Да и доносится он с тыла.

А старший сержант Рулев убежденно говорит:

— Так это же идет наша автомашина, лейтенант!

Он прав. Гул мотора нарастает. Посылаю механика и двух автоматчиков встретить машину. Мотор затих где-то совсем рядом, за кустами. И вдруг в двух шагах от себя слышу голос механика-водителя. Его глаза светятся радостью, на лице улыбка.

— Приехала летучка! Сорокин!

С гвардии техником-лейтенантом Алексеем Сорокиным я познакомился несколько месяцев назад, по прибытии в бригаду. Он оказался тоже волжанином. До войны мы с ним в Куйбышеве не встречались, но нас сдружили воспоминания о родном городе.

В бригаде он уже давно. Принимал участие в битве за Сталинград. Боевые награды у него на груди свидетельствуют об отваге и мужестве. Сейчас я очень рад, что именно он, мой земляк, приехал на своей передвижной мастерской — «летучке». Вернее, не приехал, а пробился сквозь вражеские заслоны.

Танкисты бросаются к автомашине. Они с трудом верят, что «летучка» одна смогла пробиться к нам. Выходят ремонтники. Обнимаемся с ними. Из кузова крытой машины спрыгивает на землю молодой стройный офицер. Да, это Алексей Сорокин. На груди у него «шмайсер» — немецкий автомат.

Приветствую Сорокина, как полагается по уставу, потом мы бросаемся друг к другу и крепко обнимаемся.

— Видишь, земляк, — говорит Алексей, — вот мы и снова встретились с тобой.

— Что и говорить, Леша, здорово получилось.

— Если б ты знал, сколько километров мы гнали

без роздыху. К тому же еще с фрицами приходилось обмениваться «любезностями».

— Мы очень вас ждали.

— Понятно. Ну, давай показывай, что там у тебя случилось? Чем заболела твоя «старушка»?

Идем к танку. Механик показывает повреждение, полученное машиной в последнем бою.

Ремонтники во главе с Сорокиным принялись за дело. Экипаж помогает им. Повреждение серьезное, устранить его в полевых условиях не так-то просто. К тому же беспрестанно донимают гитлеровцы. Приходится одновременно отбиваться от них и ремонтировать машину. Но и с этой задачей мы успешно справились.

Потом выставили усиленную охрану и немного передохнули. Нахлынули воспоминания. Куда от них денешься на фронте. Нет им конца и края... Но все же сон, смежив веки, оборвал их. А утром мы снова были в пути. Впереди Дебрецен, мощный опорный пункт обороны противника в направлении на Будапешт.

Сады, рощицы и перелески вдоль дорог скрывали от врага наше движение. Все мосты на дорогах и реках отступившие гитлеровцы разрушили, дороги минировали. Приходилось двигаться медленно и осторожно.

Но вот мы вышли на большак и неожиданно для себя обнаружили моторизованную часть противника, вытянувшуюся по нему длинной колонной. Мелькнула мысль: фашисты появились здесь неспроста, не иначе как заходят в тыл нашим войскам, штурмующим Дебрецен. Укрывшись в перелеске, определили приблизительно силы противника. Держу совет с Сорокиным и экипажем, принимаем дерзкое решение: воспользоваться тем, что противник нас не обнаружил, внезапно атаковать его.

Подул сильный ветер, низко ползут густые облака. Мелкий, но довольно плотный дождь хлещет по лицу.

Что и говорить, погода самая что ни на есть отвратительная, но в данной ситуации она стала нашей союзницей.

Под прикрытием деревьев, окаймляющих дорогу, наш танк под номером 411, набрав большую скорость, настигает колонну противника. Автомашина Сорокина следует за нами.

Гитлеровцы, укрывшись от дождя и ветра под брезентами своих машин, ведут себя беспечно. Это нам на руку.

Идущий впереди колонны бронетранспортер взят на прицел и прямым попаданием осколочного снаряда подожжен. Встав поперек дороги, он загораживает путь идущим сзади автомашинам. Движение колонны застопоривается. Как только прозвучал выстрел, Робышев всю тяжесть танка бросил на другой бронетранспортер, замыкающий колонну. Удар — и запылавший бронетранспортер, несколько раз кувыркнувшись, сваливается в кювет. Следующие за головной машиной тягачи с прицепленными к ним пушками начинают пятиться. Подгоняемые нами задние машины напирают на передние. Хаос, паника, пробка. В общем, что надо! Теперь скорее браться за середину. Это сейчас главное и самое сложное.

Робышев выводит танк в сторону, и мы прямой наводкой расстреливаем гитлеровцев в упор. Спасаясь от гусениц нашего танка и губительного огня, несколько десятков машин противника сворачивают с большака, пытаясь уйти по полю. Но меткие длинные очереди пулеметов и автоматов настигают их. Буквально за считанные минуты мы разгромили вражескую колонну.

Теперь нам нужно как можно скорее уходить из этого района. Иначе несдобровать. Пришлось машину Сорокина взять на буксир и повести ее в обход того участка, где только что произошел бой.

Вскоре мы соединились с бригадой. Пospели вове-

рмя: наши танки и мотопехота завязали бои в самом городе.

Уличные бои. Сложное дело! Перед танкистами и пехотой лабиринты улиц, переулков с многоэтажными зданиями, баррикадами. В уличных боях у нас действуют штурмовые группы. Ядро их составляют танки. Обычно два танка движутся впереди у самых домов и обстреливают противоположные стороны улицы. Их перекрестный огонь достигает верхних этажей зданий. Третий танк бьет перед собой в глубину улицы и по подвалам, где засели фашисты.

Идут ожесточенные схватки на улицах, в переулках, в подъездах, на крышах и в подвалах. Везде нас подстерегает опасность: немецкие танки, противотанковые пушки, бронебойщики, пулеметчики и автоматчики. Из окон верхних этажей летят гранаты и бутылки с горючей смесью. Город выглядит мрачно, всюду развалины и пожарища. На одном перекрестке за завалом укрылись эсэсовцы и ведут перекрестный пулеметно-автоматный огонь по нашей пехоте, не давая ей оторваться от земли.

Нужно помочь нашим. Направляю свой танк на завал. Едва успел расстрелять гитлеровцев пулеметным огнем и «проутюжить» гусеницами завал, дав возможность подняться пехоте, как в боковой триплекс замечаю: к тому углу, за которым оставил Сорокина с машиной, направился немецкий бронетранспортер, вывернувшийся из ближайшего переулка.

Сорокин ведет дуэль с немецким пулеметчиком, засевшим в соседнем доме, и не замечает опасности. Стреляю по бронетранспортеру, подбиваю его.

Фашистский пулеметчик продолжает вести огонь по нашей пехоте. Сорокин пробрался в дом, где засел фашист. Перепрыгнув через перила первого этажа, приготовился бросить гранату, но в этот момент прогремел выстрел, и пуля просвистела у самого уха. Алек-

сей понял, что пока он не разделается с прикрывшим пулеметчика автоматчиком, пулемет будет сеять смерть в рядах наших воинов.

Как всегда в минуту опасности, Алексей сосредоточился. Снова раздался выстрел. Пуля угодила в стену чуть выше головы. Посыпалась штукатурка. Крупные капли пота струйками стекали по запыленному лицу Сорокина.

— Врешь, сволочь! — хрипло сказал он, до боли в суставах сжав в руке гранату. — Я тебя сейчас успокою!

Как только прогремела еще очередь, Алексей сделал мгновенный прыжок к проему двери, из которого враг вел огонь, и швырнул туда гранату. Но вражеский пулеметчик продолжал вести огонь. Алексей бросил вторую гранату. Разъяренный, крикнул:

— Получайте, гады!

И пулемет умолк.

— Ура-а! — прозвучал клич поднявшейся в атаку пехоты...

Враг сопротивляется отчаянно. Перед нами не просто город, а словно бы какое-то чудовище, начиненное огнем и сталью. Кажется, что дома сложены не из кирпича, а из взрывчатки, вокруг свист пуль, грохот рвущихся снарядов и мин.

Мы окружили один из домов и предложили немцам сдаться. В ответ летят гранаты. Дом горит, однако никто из него не выходит. И только тогда, когда рухнула крыша, из здания выбежал немец с солдатскими погонами на плечах. Ему лет восемнадцать, не больше. Допрос ничего не дает, немец не произносит ни слова. В кармане у него обнаружено удостоверение, из которого узнаем, что он солдат дивизии «Мертвая голова». Позже пленный сообщил о том, что, согласно приказу гитлеровского командования, все немецкие солдаты, сдающиеся в плен, объявляются предателями, а их семьи подвергаются уничтожению.

Упорно продвигаемся вперед. Снова баррикада. Из переулка около нее выскочил танк и в упор начал расстреливать фашистов, утюжа гусеницами завал. Это действует Иван Марченко.

В азарте боя, увлекшись, часто забываешь об осторожности. Так было и теперь. Уничтожая баррикаду, Марченко подставил «тигру», вывернувшегося из-за угла, правый борт своего танка.

По радио предупреждаю Марченко об опасности. Одновременно стреляю бронебойным по «тигру». Снаряд попал между броней и корпусом. «Тигр» все же успел выстрелить по танку Марченко, но, к счастью, болванка отскочила от башни «тридцатьчетверки» и не причинила вреда. Марченко бьет по «тигру», и он начинает дымить...

Под вечер кровопролитное сражение завершилось полной победой наших войск. Дебрецен освобожден от немецко-фашистских оккупантов. За эти бои мы удостоились благодарности Верховного Главнокомандующего.

5

В декабре наши войска вышли на окраину Буда и к Дунаю севернее Будапешта. Бои за столицу Венгрии носят ожесточенный характер. Для маневра силами и средствами гитлеровцы используют подземные сооружения: метро, канализационную сеть. Вражеским солдатам и офицерам объявлено, что к ним на выручку спешат танковые и пехотные дивизии, перебрасываемые с Западного фронта. Солдат запугивают расстрелом в случае проявления трусости и оставления позиций.

Ночь под новый, 1945 год. Целые сутки, срывая с холмов снег, гуляла метель по венгерским полям. Природа словно чувствует, что это последняя военная зима.

Мы с Робышевым возвращаемся из штаба бригады,

где только что закончилось партийное собрание. Выступал на нем начальник политотдела бригады гвардии подполковник Короткое. Он подчеркнул, что войскам противника, окруженным в Будапеште, Гитлер поставил задачу прорваться из кольца навстречу контрнаступающим немецким частям. Допустить этого нельзя. В этой сложной обстановке коммунисты должны служить образцом мужества и отваги в бою.

Все мы, воины бригады, уважаем Степана Давидовича Короткова. Начальник политотдела не только активно ведет политическую работу, но и подает личный пример храбрости и отваги. При необходимости умело руководит боевыми действиями бригады. Под его командованием бригада успешно провела бои за город Дебреценц

Знаменательна для меня эта ночь под Новый год. Наступает двадцать второй год моей жизни. Из них более трех лет прошли в боях и походах. Вот уже несколько дней я ношу в кармане письмо из Куйбышева от любимой девушки. Ася поздравляет меня с наступающим Новым годом и днем рождения. Ответ дать не могу: нет времени.

В домике, где разместился экипаж, тепло и уютно. В гостях у нас Алексей Сорокин, Иван Марченко, Михаил Петренко, Михаил Дураков и Николай Любушкин. Рулев и Аникин накрывают на стол, им помогают Марченко и Петренко. Я предупредил, что с минуты на минуту ожидается приказ о наступлении. Рулев сказал:

— Ничего, лейтенант, мы это дело мигом провернем.

И подмигнул Робышеву. Я заметил это, но не придал значения. Сели за стол. На правах хозяина я поздравил всех с наступающим Новым годом, выразил твердую уверенность в том, что он будет последним воен-

ным годом, и пожелал успехов своим боевым друзьям. Было весело и шумно. Я плохо слушал, о чем говорилось за столом, думал о том, что прошедшем партийном собрании, потом о доме. Пытался представить мысленно, как там сейчас мои родные встречают Новый год. Думал, а сам поглядывал на часы.

Но вот поднялся Рулев. Хитровато скосив в мою сторону глаза, сказал:

— Одну минуточку, товарищи. У меня есть предложение.

— Что за предложение? — зашумели за столом.

— Дело вот в чем, — Борис взял в руку кружку. — Нашего командира сейчас за уши драть надо.

— Как это драть? — подпрыгнул Марченко и возмущенно прикрикнул на Рулева: — Выпил лишнее? Говори, да не заговаривайся.

— Так ведь... — не смутился Рулев, — у лейтенанта Олейника сегодня день рождения. А чтобы рос он, по старому обычаю, за уши драть надо.

Грянул хохот. Но едва успели выпить за мой день рождения, как в дверь вбежал запыхавшийся посыльный из штаба бригады и передал приказ о наступлении.

Противник усилил обстрел расположения бригады. Не успел наш танк тронуться с места, как сзади раздался сильный взрыв. Оглянувшись, я увидел там, где только что стоял гостеприимный дом, огромный столб дыма и пыли: прямое попадание снаряда. По спине пробежали мурашки. Еще бы несколько минут и...

В селе Мартонвашар, на полпути между Будапештом и Секешфехерваром, стоит увитое плющом здание. Я бывал в нем, видел там барельефный портрет Людвиг ван Бетховена. Гениальный немецкий композитор приезжал сюда и, как утверждают, создал здесь «Аппассионату». Стало больно, что и это здание может взлететь на воздух.

Тысячи разрывов сотрясают столицу Венгрии. Черный дым завесой стелется по улицам. В дыму от здания к зданию, от квартала к кварталу продвигаются вперед отважные гвардейцы.

День и ночь кипит бой на улицах города. Зачастую он начинается в подвале здания и заканчивается на его крыше. В боях за Будапешт вместе с частями Советской Армии сражаются венгерские подразделения. И здесь, в этой небывало жестокой борьбе, кровью скрепляется дружба советских и венгерских солдат. И вот победа: 13 февраля 1945 года Москва салютовала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, полностью очистивших столицу Венгрии от врага.

Нас перебрасывают к озеру Балатон. Это одно из самых больших озер Центральной Европы. Недаром в Венгрии его называют морем. Чудесно здесь: высокие горы, тенистые леса, мягкий климат, бархатная вода. Но сейчас нам не до этих красот.

Противник предпринял наступление значительными силами северо-восточнее Бокода. 7-й механизированный корпус, в который входила наша бригада, был введен в сражение недоукомплектованным и имел всего несколько десятков танков. К тому же из-за быстрого продвижения противника он не успел занять оборону в указанном районе и вступил с ходу в бой. Тяжело приходится нам, однако мы не только обороняемся, но и сами атакуем врага.

Два часа ночи. В сарае, где разместились танкисты, сыро и накурено, еле светит тусклый огонек коптилки. Техника и вооружение в полной боевой готовности. Сбросив мокрые, отяжелевшие сапоги, прилег немного отдохнуть.

Неподалеку от сарая рванула мина. Доносится приглушенное урчание моторов. Это, видимо, немецкие танки сосредоточиваются по ту сторону высоты, которую обороняет наш батальон. Над сараем то и дело с

воем проносятся вражеские снаряды. Прислушиваюсь ко всем этим звукам и думаю о том, что произошло с лейтенантом Зайцевым (в действительности он носил другую фамилию). Поучительный случай. О нем известно в бригаде всем. Зайцев переживает, да и как не переживать. А произошло вот что.

Батальон штурмовал одну из высоток у озера Балатон. От обилия дождей склон раскис. Танки юзом сползали с него. Лишь одна «тридцатьчетверка» лейтенанта Зайцева забралась на самую вершину. И угодила ей в защитную броню башни болванка. Болванка-то срикошетила, а танк задымился. Экипаж покинул машину и — по склону вниз. Потом присмотрелись: танк-то и не горит вовсе, стоит цел-целехонек. Тут башенный стрелок и вспомнил, что за броневым щитком хранил он обтирочную ветошь. Она от удара болванки и задымила. Выходит, поторопились покинуть машину. Полезли вверх по склону выручать «тридцатьчетверку», а на встречу огонь из автоматов. Гитлеровцы засели под танком. Как ни пытались, не подойти. Доложил Зайцев комбату Новоселову, который погибшего Котловца заменил: так, мол, и так, прошляпили.

— Не выручишь танк, в батальон ни шагу, ступай прямо в трибунал! — отрезал Новоселов.

Растерялся Зайцев. Подходит Сорокин, предлагает закурить. Взял Зайцев сигарету, а прикурить не может, руки дрожат.

— Что так? — спрашивает воентехник.

— А то, что заяц я настоящий. И ты мне, танковрач, не подмога.

— Хватит нюнить, тоже мне заяц у гвардейцев объявился. Ты с какого боку к танку ползал? Попытай еще разок. Не бойся, но и не высовывайся особо. Всем экипажем к танку подбирайтесь по старым следам.

Сказал и ушел. Пополз Зайцев с экипажем к танку. Немцы все внимание на Зайцева, патронов не жа-

леют, головы не поднять. А Сорокин тем временем короткими перебежками к танку с тыла, с немецкой стороны. Вскочил на броню, рванул люк — и в танк. Немцы из-под танка во всю лупят по Зайцеву с экипажем. Сорокин захлопнул люк механика-водителя. Запустил двигатель, газанул и — правый рычаг на себя. «Тридцатьчетверка» юлой на месте. Гитлеровцам, что под днищем укрывались, понятно, какую. Забегая вперед, скажу: не было в последующих боях отважнее человека, чем Зайцев...

Туманное и дождливое утро. И необычная тишина. Ни единого выстрела. В сопровождении начальника штаба Ширяева командир батальона Новоселов осмотрел свой участок обороны. В траншее встретил комбрига Лаптева.

— Не нравится мне эта тишина, — заметил тот.

— Да, коварная штука, — подтвердил Новоселов.

— Вы полностью осмотрели свой участок? — спросил Лаптев.

— Осмотрел. Все готово к отражению атаки противника, товарищ полковник. Только вот силенок у нас маловато.

— Что есть, — мрачно произнес комбриг.

Вскоре противник начал артиллерийскую подготовку. Шквал огня обрушился на позиции бригады. На рубеж обороны батальона Новоселова двинулись танки. За ними густой цепью бежала пехота.

Артиллеристы корпуса встретили фашистские танки и пехоту плотным огнем. Одна за другой вспыхивали вражеские машины. Пулеметчики своими очередями отсекали пехоту от танков. Фашисты залегли, неся большие потери. Атака захлебнулась, вражеские танки попятились назад. Но спустя час гитлеровцы повторили атаку.

Ожесточенный бой продолжался до самого вечера, пока в сумерках не погасли закатные лучи солнца. На опушке леса похоронили погибших гвардейцев. Усталый, с почерневшим лицом, комбат подошел к начштаба Ширяеву.

— Наша задача остается прежней: удерживать рубеж. Разъясни это людям.

Два дня враг пытался прорвать нашу оборону. Мы, при поддержке артиллеристов и пехоты, выстояли. И снова затишье наступило вместе с ночью, темнотой, прохладной, тревожной.

— Слушай, начштаба, как ты считаешь: что немцы задумали? — спросил Новоселов.

— Ты насчет «языка» намекаешь?

— Неплохо бы! Без разведки мы слепы. А тишина подозрительная. Снова «бури» не было бы.

— Не агитируй, — улыбнулся Ширяев. — Разрешить самому сходить в разведку.

— Этого разрешить сам не могу. Давай посоветуемся с комбригом.

И комбат связался со штабом бригады по радио. Комбриг разрешил. Новоселов вызвал гвардии лейтенанта Журавлева и гвардии старшину Скоробогатова, объявил, что они пойдут за «языком» вместе с начальником штаба.

Ночь прошла относительно спокойно. Перед рассветом начштаба разбудил Журавлева и Скоробогатова. Вскоре они углубились в лес. Под ногами шуршала опавшая листва. На рассвете Ширяев и его спутники приблизились к обороне противника. Внезапно лес ожил от пулеметной стрельбы.

— Засекли, — бросаясь на землю, прошептал Ширяев.

— Вряд ли. Просто боятся тумана, вот и лупят куда попало, — ответил Журавлев.

Разведчики заметили перебежавшего между деревь-

ями здоровенного гитлеровца. Держа наготове автомат, фашист озирался по сторонам. Вот он бесприцельно резанул по деревьям. Между деревьев замелькали еще фигуры немцев. Двое из них на поляне начали устанавливать миномет. Вскоре мины с завыванием полетели в сторону наших позиций. Ведя на ходу огонь из автоматов и ручных пулеметов, фашисты направились в ту сторону, где залегли разведчики.

— Приготовиться! — тихо подал команду Ширяев. «Трудновато придется», — подумал Михаил Иванович. А отходить было уже поздно. Пуская перед собой очередь за очередью, фашисты приближались. Ширяев взял на прицел здоровенного фашиста. Судя по всему, он руководил действиями группы.

— Ребята, начали!

Гитлеровцы были застигнуты врасплох. Трое упали, четвертый, бросив пулемет и оглашая лес воплями, метался из стороны в сторону.

— За мной, — сказал Ширяев. — Пока они паникуют, сменим позицию.

Беспорядочный огонь немцев не стихал еще долго. Разведчики, затаившись, не отвечали. Фашисты, осмелев, начали приближаться. Ширяев, не отрываясь от земли, швырнул гранату. Скоробогатов еще одну. ВДРУГ у Ширяева обожгло левое плечо. Он быстро повернулся и в упор выстрелил во вражеского автоматчика, подкравшегося сзади. Тот упал. Журавлев и Скоробогатов кинулись к нему.

— Живой? — спросил Ширяев.

— Живой, только поранен малость.

В лесу наступила тишина.

— Свяжите и перевяжите. Берем его с собой.

Журавлев помог перевязать рану и своему командиру. С наступлением темноты, прихватив с собой «языка», которого подсек Ширяев, разведчики отправились к своим.

В эту ночь комбат Новоселов места себе не находил. Он вышел из землянки и долго стоял в траншее, настороженно вглядываясь в тревожную темень. Вдруг невдалеке прозвучал оклик часового. Комбат пошел туда.

/ — Ширяев, ты?

— Мы. Принимайте пленного, — устало выдохнул Ширяев.

Вошли в блиндаж. Пленному развязали руки, вытащили изо рта кляп.

— Штеен ауф! — скомандовал Новоселов.

Помятый, перемазанный «язык» испуганно вскочил на ноги.

— Дайте ему воды, — приказал комбат. — Пусть придет в себя, успокоится,

Новоселов решил сам допросить пленного, а затем отправить его в штаб бригады. Захваченный «язык» оказался словоохотливым. Он сообщил, что потери, которые понесла их дивизия, огромны. Но к утру подойдет пополнение, и возобновятся атаки.

Пленного отправили в штаб бригады. Сведения, полученные от него, насторожили командование. Были приняты меры по усилению обороны. Это сыграло свою роль. Гитлеровцы попробовали атаковать нас, но не смогли продвинуться ни на шаг. Особенно много их полегло перед нашим батальоном...

Чем меньше оставалось до границ Германии, тем яростнее сопротивлялись гитлеровцы. Действовавшие на этом участке фронта танковые соединения врага использовали любую возможность, чтобы развить наступление, а то и замкнуть наши войска в кольцо.

Над Балатоном густой туман. Мы слышим гудение моторов: гитлеровское командование подтягивает тан-

В. М. Олейник (во втором ряду слева) среди однополчан
1945 год.

ки, перебрасывает автомашинами пехоту. С наступлением рассвета — мощная бомбардировка с воздуха, яростный артиллерийский обстрел. Затем следует одна атака за другой.

Танковый пулемет, из которого стреляет Борис Рулев, прикрывает штаб бригады. Позиция очень выгодная. Борис со ската высоты разит наступающих фашистов и заставляет их прижиматься к земле. В одну из коротких пауз Рулев окинул взглядом поле боя и заметил, что нашей роте десантников особенно досаждают вражеский пулемет, позиция которого расположена неподалеку. Рулев дал по нему очередь, другую, но не

А наши несут потери, и товарищей надо выручать во что бы то ни стало.

Решение созрело мгновенно. Рулев быстро пополз вперед с гранатами, используя для укрытия неровности местности и воронки. Каждое неосторожное движение грозило ему гибелью. Вокруг рвались снаряды и мины.

Особенно свирепствовала одна батарея, которая вела очень точный огонь по нашим позициям. «Нужно обнаружить и снять наблюдателя-корректировщика, иначе и Борису не сдобровать», — подумал я.

Стали искать эту «кукушку». И нашли. Приспособился корректировщик в высокой трубе кирпичного завода. Место не ахти как удобное, но зато обозрение хорошее. Обнаружили его с трудом — выдал блеск стекол бинокля, — да и сбить оказалось не легче. Расстояние большое, а цель слишком мала. Пришлось израсходовать несколько снарядов.

Успешно действовал и Борис. Он сумел подобраться к огневой позиции противника. Меткий бросок гранаты — и вражеский пулемет умолк. Теперь быстро назад. Вернулся Рулев в самый раз: бой разгорелся с новой силой по всему фронту. Бригада уничтожила более двадцати гитлеровских танков, много живой силы.

Но фашисты снова пошли в атаку. И Рулев снова открыл огонь из своего пулемета. Большая группа вражеских автоматчиков попыталась выйти во фланг нашей роте. Рулев ударил по ним. Аникин, поднося ему боеприпасы, заметил, что Борис ранен. Наскоро сделал перевязку, и Рулев снова прильнул к пулемету. Но вот ударил вражеский миномет, и мина разорвалась рядом с Борисом. Очнувшись, Рулев почувствовал, что слабость сковала все тело. Понял, что контужен. А вокруг валялось около полусотни фашистов.

Под вечер кровопролитный бой стих. Нам удалось

ред. Штаб предстояло разместить в небольшом хуторке. Такие хуторки встречались нам довольно часто: дом, конюшня, сарай для скота и птицы и обязательно вместительный подвал, где можно укрыться от снарядов и мин. Нам приказано подготовить этот подвал для размещения штаба.

Только сунулись, из подвала раздались автоматные очереди. На наше предложение прекратить огонь и сдаться снова и снова стреляют. Ранен десантник.

Всегда спокойный Робышев вдруг вспыл. Он ругался так ожесточенно и изобретательно, что заряжающий даже удивленно присвистнул.

— Чего на них смотреть! Шарахнуть туда из пушки! Давай, лейтенант, я разверну танк, а ты шарахнешь! — кипятился Робышев.

— Брось, Николай. Разрушим подвал, где штаб будем размещать, — успокаивал я его.

— Спокойно, друг, — добавил Рулев, хлопая Робышева по плечу.

— А, испугались?! — вновь взорвался Робышев. — Сейчас я с ними один расправлюсь, — и он бросился к машине.

— Робышев, вернись! Приказываю: вернись! — крикнул я вслед водителю, но он даже не оглянулся.

Танк, зычно рыча, медленно полз к подвальному помещению, из которого то и дело раздавались выстрелы.

— Стой! Стой! — закричал я, подкрепляя слова соответствующими жестами.

Робышев остановил машину.

— Ты это что вздумал? Знаешь, что за неподчинение бывает? — пригрозил я механику.

— Так я же их выкурить хочу.

Мне стал понятен замысел механика. А Робышев уточнил:

— Поставлю танк выхлопными трубами ко входу и

поддам газу. Увидишь, весь «гарнизон» пульей выскочит на свежий воздух.

— Это дело, — подхватил Аникин. — Давай, командир, попробуем. Потом там внутри немного дымком будет пахивать, но ведь нам к дыму и гари не привыкать.

Решили попробовать. Машину подвели выхлопными трубами вплотную ко входу в подвал. Робышев газанул. Через несколько минут из подвала начали, кашляя и жмурясь, выбираться с поднятыми руками вооруженные автоматами люди. Одеты в форму немецких полицейских. При допросе выяснилось, что это предатели венгерского народа, служившие фашистам. Они грабили и убивали своих же соотечественников. При отступлении немцы бросили их. Они им больше были не нужны.

Помещение оказалось просторным, все службы разместились в нем. Майор Садовой, войдя в подвал, спросил меня:

— Чего это тут гарью пахнет?

— Это Робышев отличился.

Пришлось все рассказать ему. Майор слушал внимательно, его обычно строгое лицо все больше и больше добрело. А когда я стал описывать, как фашистские прихвостни начали выскакивать из подвала, Садовой расхохотался.

— Ну и отчудили. Молодец Робышев!

Насмеявшись вволю, Садовой вытер глаза и сказал:

— Хорошо, что взяли вооруженных бандитов живьем. Мы их передадим венгерским патриотам, пусть судят народным судом.

Короткая передышка — и снова в бой. Утренний рассвет наполнился гулом разрывов. А через полчаса на наши позиции покатила лавина немецких танков.

По ним ударили противотанковые пушки. Наши войска сопротивлялись упорно, хотя пьяные фашисты лезли напролом. Бригада в этих боях окончательно измоталась. Вскоре ее сменили свежие части. Мы получили приказ отойти за Дунай для приема пополнения.

Только началась переправа нашей части, как неожиданно появились немецкие танки и бронетранспортеры. С воздуха по переправе противник нанес бомбовый удар и разрушил ее. Пришлось переправляться через Дунай на подручных средствах.

Хотя я и волжанин, но с трудом верил, что переплыть Дунай. Март, на воду только посмотришь — дрожь пробирает. Но обстановка не позволяла медлить. Я вошел по колено. И вода показалась обжигающей. В голове промелькнуло: «Не медли, дружище! Правда, река широкая. Но вспомни Волгу! Ведь ты же ее переплывал. Здесь сильнее течение. Ну и пусть несет. Скорее на тот берег». Я зашел по шею. Ну вот, еще и не плыл, а несколько метров уже позади. На воде вздымаются фонтаны от взрывов. Фашистские самолеты пикируют, сбрасывая бомбы, обдавая нас пулеметными очередями.

Я сильно устал. Это оттого, что с самого начала слишком усердно рвался вперед. Намокшая одежда стесняла движения, тянула вниз. И вот где-то на середине реки я хлебнул воды. Хлебнул, поперхнулся, судорожно забултыхал руками, окунулся с головой, хлебнул снова. Подумал: «Неужто все? Этого еще не хватало!»

— Вперед! — приказываю сам себе. Плыву...

Небо стало темно-красным, голову пронзила жгучая боль. Совсем близко разорвалась бомба, меня накрыло взрывной волной, куда-то подняло, сильно бросило, и я почувствовал землю.

Когда очнулся и с трудом разжал веки, то увидел, что небо снова стало голубым. Кто-то тряс меня за

плечи. Собрал остаток сил, приподнялся. Передо мной стоял Михаил Петренко, который успел проскочить на этот берег, когда переправа была еще цела, и теперь помогал оказавшимся в трудном положении товарищам.

Мы двинулись на сборный пункт. С намокшей одежды ручьями стекала вода. Мартовское солнце висело над горизонтом. Крепчающий морозец начал сковывать мокрую одежду. Влажный запах реки смешивался с горьким запахом разрывов.

Таким запомнился мне этот трудный день.

Все ближе и ближе желанная победа. Уже идут ожесточенные бои в Берлине. Победоносная Советская Армия ломает хребет фашистскому зверю в его собственной берлоге. Однако немецкая группировка на территории Чехословакии еще упорно сопротивляется.

Бои на чехословацкой земле носят исключительно ожесточенный характер. Нашей бригаде предстоит пройти через горы и реки, сокрушить долговременные укрепления врага.

На пути у нас город Брно. Перед бригадой поставлена сложная задача: надо выйти на восточный берег реки Свитива, захватить переправу и удержать ее во что бы то ни стало. Задача не из легких: у противника в несколько раз больше танков.

После того как самолеты нанесли бомбовой удар, заговорила артиллерия всех калибров, обрабатывая передний край вражеской обороны. И вот сигнал к наступлению.

Танки устремились в атаку. Мы с ходу прорываем оборону. За танками — бронетранспортеры с пехотой. Немцы открыли ураганный артиллерийский огонь. По-

явились танки противника, завязалась горячая схватка. Пробиваясь сквозь завесу огня и неся потери, мы на полной скорости рвемся к мосту через реку Свитива.

Немцы начали отступать к переправе, чтобы занять оборону на том берегу. Но мы перестроили свои боевые порядки и перерезали путь отступающим фашистам.

Со стороны леса доносятся глухие взрывы, пулеметная трескотня. Там, готовясь к контратаке, сосредоточивается противник. Рядом с нами танк Марченко. Мы рванулись к лесу. Видим: слева от шоссе цепи наступающих гитлеровцев, которых прикрывают танки. «Опоздали», — мелькнула мысль. Быстро созревает решение: танки поставить в укрытие и по наступающей пехоте открыть огонь. Так и сделали. Цепь фашистов дрогнула и откатилась.

И снова мчимся вперед на своих «тридцатьчетверках»...

К вечеру наши танки вышли на ближайшие подступы к Брно. Заправили машину, пополнили боеприпасы. Разрешаю людям отдохнуть. Прилег сам...

Ночью прошел по-весеннему теплый дождь. Утренний ветерок тянулся из леса, весь пропахший медовым ароматом зелени и весенних цветов.

Но вот рассветную тишину нарушил шелестящий звук приближающегося снаряда. Разорвался один, потом другой... Через несколько минут разрывы слились в сплошной гул. Воздух наполнился запахом горелого пороха.

С выбранной нами позиции хорошо просматривалась местность, откуда ожидалось наступление гитлеровцев. Впереди раскинулась широкая и ровная долина, за которой темнеет лес. Фашисты не заставили себя долго ждать. Разведка донесла, что в нашем направлении движутся танки противника и пехота. Вскоре

из-за леса показались бронированные машины Их много.

— Один, два... пять... десять... — считает Борис Рулев.

«Тигры» движутся на полной скорости.

— Подпустить фашистов ближе, — подаю команду.

Пушку и пулеметы экипаж готовит к стрельбе, а сам я взялся за механизм наводки. Стараюсь поймать в прицел головную машину. Но снаряд прошел над ней и угодил в пехоту. Второй выстрел удачнее: из танка повалил густой черный дым. Увеличивая скорость, на нас надвигаются другие немецкие машины. Еще два «тигра», споткнувшись, окутались клубами дыма и застыли на месте. Из люков выпрыгивают гитлеровцы, припадают к земле, стараются выползти из зоны огня. Однако Борис Рулев не дал им уйти.

Неся большие потери в технике и живой силе, враг отошел к лесу. Но вскоре совсем рядом с нами снова разорвался снаряд. Вместе с взлетевшими в воздух комьями сырой земли по броне заколотила пулеметная очередь. Бой не утихал ни на минуту. Стволы орудия и пулеметов накалились от непрерывного огня. То в одном, то в другом месте вспыхивают вражеские машины. Я хорошо вижу простирающееся перед нами полувыжженное, изрытое воронками кукурузное поле, а за ним рощу, из которой как раз и выползают танки с крестами на броне, идет в атаку пехота. Гитлеровцы не жалеют сил, чтобы прорваться к шоссе Брно—Прага.

Последняя атака началась поздно вечером, надвигающиеся танки слились с черной дымящейся землей, так что их нельзя сосчитать. Собственно, и считать некогда. Я вижу только те, которые направляются на нашу позицию.

В поединке с танками решает мгновение: кто первый успеет выстрелить. В минуту опасности помогает интуиция. С «тигром», который сейчас движется на нас,

будто что-то случилось: неожиданно он как бы клюнул носом. Но я знаю: он просто-напросто попал в воронку. Сейчас выползет, обнажив днище. Стараюсь не упустить это мгновение. Огонь! — и вот уже вскинулась желтая трасса, и почти тут же вспыхнул маленький, еле заметный огонек под днищем танка. Затем машину охватывает огонь и черный дым. Но за этим, подбитым, показался второй, третий...

Слева от нашего танка ожесточенно дерется экипаж Марченко, еще дальше — Петренко. С пристроившимися на броне десанниками танк Петренко на малой скорости двинулся на врага. Впереди ров. Машина остановилась. Петренко увидел немецкий танк. Михаил поймал его в перекрестие прицела. Отрывисто прозвучала команда. Полыхнуло пламя, и бронебойный снаряд угодил в борт немецкого танка. А «тридцатьчетверка» уже выбралась на противоположный, крутой откос рва.

В это время сильный удар отбросил танк Петренко назад: ударила замаскировавшаяся в зарослях противотанковая пушка. Заглох двигатель. Снаряд угодил в бак, разнес моторную часть, и, самое страшное, огонь перекинулся на боеприпасы. Связавшись по радио с комбатом, Петренко доложил о случившемся. Последовал ответ: «Ориентируйтесь по обстановке».

Тем временем плотный огонь гитлеровцев прижал нашу пехоту к земле и не дает поднять голову. Фашисты пошли в контратаку. Завязалась рукопашная схватка. В ней и погиб гвардии младший лейтенант Михаил Петренко. Он не дожил всего одну неделю до того радостного дня, когда пришла долгожданная Великая Победа...

Танкисты готовились к отражению новой атаки. Борис Рулев, разглядывая отметины от осколков и пуль, ворчал:

— Разукрасили машину. Вы только посмотрите: ото-

рвало правое крыло, а вот здесь прошла пулеметная очередь.

Присоединившись к штабу, получаю новый приказ: выдвинуться на расстояние километра от шоссе Брно—Прага, выбрать удобную позицию и из засады вести огонь по вражеской технике и живой силе, перебрасываемой на подкрепление со стороны Праги. Не успели мы выбрать позицию, как башенный стрелок доложил, что к танку подкрадываются немецкие автоматчики.

В ответ застрочили танковые пулеметы и автоматы десантников. Но противник укрывался в складках местности. Один фашист ударил по танку фаустпатроном. Снаряд разорвался на лобовой части машины. Враг прицелился вторично, но выстрелить не успел. Борис Рулев срезал его длинной очередью.

Гитлеровцы двинулись в обход. Появились метрах в трехстах правее. Но и мы, и десантники зорко следили за действиями противника. От метких выстрелов фашисты валились на землю. С каждой атакой их становилось все меньше и меньше. Но были потери и у нас.

После боя у танка собрались танкисты и десантники.

— Фашисты хотя и отступили, но ликовать рано, — сказал я своим ребятам. — Если не днем, то с наступлением темноты обязательно попытаются обойти и ударить. Местность им хорошо знакома.

Действительно, гитлеровцы не отказались от своего намерения. Две их батареи начали обстрел. Снаряды ложились кучно, засыпая машину осколками, землей и обломками деревьев.

Тяжело ранен десантник Павлов. Осколок перебил ему левую руку. Обнажилась кость выше локтя, рука повисла на тонкой ленточке мышцы. Павлов подходит ко мне, подает нож и просит извлечь его от мучений — перерезать мышцу. Переглядываемся. Трудно описать наши чувства... Вскоре кровь остановлена, рука перевязана...

Не отрывая глаз от оптического прицела, Аникин одновременно регулирует подъемный и поворотный механизмы. В перекрестии прицела — вражеская пушка.

— Цель!

— Огонь!

В воздух поднимаются глыбы земли, вывернутое дерево, а вместе с ними и пушка.

— Молодец! — хвалю Аникина. — Огонь!

Уничтожена еще одна пушка. По радио связываюсь со штабом, докладываю обстановку. Комбриг приказывает удерживать дорогу. Сообщаю приказ экипажу, десанникам.

Возобновляется артиллерийский обстрел. Убит Гулиев, десантник. Осколок угодил ему прямо в голову. А я знал, что он накануне получил хорошее письмо из дома, собирался писать ответ. Не успел. Жаль парня.

Майор Садовой справляется по радио:

— Как у вас там?

— Трудновато, но держимся.

— Продержитесь еще час...

Три танка горят перед нашей позицией, отбита еще одна вражеская атака. Но гитлеровцы упрямо наседают на правый фланг, где держит оборону стрелок-радист старший сержант Рулев. Правда, теперь фашисты стали осторожнее, не идут во весь рост, а ползут к танку. И тут умолкает пулемет. Поднял голову, вижу: Рулев, скрючившись, лежит неподвижно. Подползаю к нему, прикладываю ухо к груди, слышу биение сердца. Жив. Значит, контужен. А немцы уже поднимаются в атаку... За пулемет ложусь сам. Оставляя трупы, противник откатывается.

Несколько минут относительной тишины, и снова враг обрушил на нас артиллерийский и минометный огонь. Прямым попаданием снаряда разбит пулемет Григорьева. Это последний пулемет танкового десанта. Бьет из автомата механик-водитель Робышев. Однако

пули не достигают гитлеровцев, укрывшихся в складках местности. Они вот-вот подберутся вплотную к нашему танку. Эту опасность заметил наводчик Дмитрий Аникин. Вихрем вскакивает в танк и прямой наводкой расстреливает врагов. Осколки вражеской мины выводят из строя еще двух храбрецов из оставшихся в живых десантников.

Рулев пришел в себя и снова залег за пулемет. Одна из мин рванула рядом с ним. На какое-то время стихли пулеметные очереди. «Неужели погиб?» — обожгла мысль. Нет! Борис, обливаясь кровью, опять открыл огонь.

А неподалеку от нас, метрах в трехстах, действует экипаж Марченко. Младший лейтенант выбрал удобную позицию в пятидесяти метрах от дороги, хорошо замаскировал машину. Марченко решил пропустить противника на узкий участок дороги, где нельзя развернуться, и встретить его огнем. Ошибиться он не имеет права, потому что прямо за его позицией располагается штаб бригады, гибель которого в случае неудачи будет неизбежной.

В вечернем сумраке показались немецкие танки с пехотой на бортах. Едва колонна вползла в узкую горловину, Марченко с наводчиком Даниловым открыли огонь сначала по заднему танку, потом по головному. Запылали обе машины. Черным дымом заволокло небо, один за другим падали немецкие автоматчики. Словом, от колонны вскоре остались лишь рожки да ножки.

С наступлением темноты гитлеровцы успокоились. А нам казалось, что это не к добру. Вдруг наблюдатель докладывает:

— По дороге в направлении Праги идет легковой автомобиль...

По нашему требованию машина останавливается. Один из десантников открывает дверцу, и тут же раз-

дается выстрел, злобная немецкая речь. Шофер и один пассажир в перестрелке убиты. Третьего выволакиваем из машины. Тучный пожилой немец. Поднимает руки: «Я генераль, меня стреляйт нелза». Рассматриваем: действительно, погоны немецкого генерала.

В машине отыскался и генеральский толстый портфель. Среди документов — карта местности Брно — Прага. Цветными линиями, кружками, крестиками нанесена обстановка. По радио докладываю майору Садовому. Он отдает распоряжение: пленного вместе с документами срочно доставить в штаб.

— Есть доставить! — А сам думаю, кого дать в сопровожающие. Десантников осталось всего два человека. По счастливой случайности один из них, как выяснилось, умеет водить машину.

Через полчаса поступает подтверждение, что генерал с документами доставлен. И приказ: незаметно для противника оставить позицию и присоединиться к штабу. Так мы и поступили. А в полночь, как и предполагалось, противник атаковал оставленную нами позицию.

На рассвете к нам заглянул майор Садовой. Тимофей Николаевич устало сел прямо на снаряд, лежащий на молодой траве.

— Ну, как дела?

Его интересовало все. И мы подробно рассказали о том, что пришлось пережить. Глаза Садового посветлели:

— Да, ловко вы генерала подцепили. В другой раз не будет в нарушение правил на войне с зажженными фарами ездить, — пошутил Садовой. — Важная персона. Из штаба немецкой группы. Документы при нем еще важнее. Спасибо. Все вы представлены к наградам.

— Служим Советскому Союзу! — раздалось в ответ.

Успешно развивая наступление, наши войска замыкали кольцо вокруг города Брно. В этих боях отличился Дмитрий Федорович Некрасов.

Ночью во время жаркой схватки с врагом танк Некрасова засел в болоте, мотор заглох. Гитлеровцы блокировали его. Несколько часов экипаж отбивался огнем пушки и пулеметов. Был убит механик, ранены заряжающий и наводчик. Кончились боеприпасы. В строю остались командир и радист.

Фашисты предложили советскому офицеру сдаться в плен. Гвардии лейтенант ответил отказом. Прошло еще часа два. Из леса выполз немецкий танк. «Сейчас он меня в упор прямой наводкой расстреляет», — подумал Некрасов.

Но гитлеровцы, решив захватить советский танк, взяли его на буксир. Некрасов обрадовался: «А теперь посмотрим кто кого». Когда немцы отбуксировали машину на твердый грунт, Некрасов завел мотор и изо всей силы рванул немецкий танк за собой.

Вражеская машина уперлась. Началось танковое единоборство. Далеко разносилось рычание мощных моторов, из-под гусениц летели фонтаны земли. Горланили и бесновались фашисты, бежавшие рядом. Двигатель нашего танка был явно мощнее. «Тридцатьчетверка» медленно, но уверенно потащила вражеский танк за собой. Гитлеровский экипаж, убедившись в бесполезности сопротивления, открыл люк и на ходу выскочил из своей машины.

Поздравляя коммуниста Некрасова, комбриг сказал:

— Ваш подвиг достоин высокой награды, и вы ее получите...

Шли ожесточенные бои за каждую улицу, за каждый квартал. Наконец после упорных боев совместными усилиями танкистов, пехоты и авиации город Брно

был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

Красив город. По-праздничному расцвечен флагами, лозунгами. Дома утопают в цветах сирени и боярышника. Здесь много исторических памятников: храмов, музеев. Прекрасны и окрестности города. Воины слушают народные песни жителей Моравии, смотрят их танцы. Всюду светятся улыбки. Жители с любовью встречают освободителей.

Но много и разрушений, следов погромов, учиненных немецко-фашистскими захватчиками. Разрушены мосты и многие здания, разграблены музеи... Населению города гитлеровцы причинили большие страдания и муки. Многих бросили в тюрьмы и концлагеря, где жестоко избивали и подвергали пыткам, многих уничтожили.

Не хотелось жителям города Брно расставаться с воинами-освободителями. Но война еще продолжалась. Эсэсовцы, разбитые под Брно, закреплялись на севере и северо-востоке от города. С утра нам предстояло перейти в наступление в восточном направлении, чтобы овладеть важным узлом дорог — городом Оломоуц.

7

Четвертый Первомай мы встречали в ожесточенных боях. Но настроение у всех было приподнятое. Победа была осязаемо близка.

Нами получен приказ: вперед, на Прагу! Жители чехословацкой столицы из последних сил борются с озверевшими от неудач фашистами.

В наушниках танковой радиостанции слышен взволнованный голос: «Внимание! Внимание! Русские братья! Говорит чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападают на наш город со всех сторон. Мы обращаемся с пламенным призывом к ге-

роической Красной Армии и просим оказать нам помощь... Спасите наш город Прагу!» Части нашей бригады сосредоточиваются возле своего КП¹, чтобы начать рейд к чехословацкой столице. Предстоит наступление, быть может, последнее в этой войне. Готовимся к нему тщательно. Пополнились горючим и боеприпасами. Батальоны приняли установленный для них порядок.

Чувствуется усталость, мы измотаны непрерывными боями. Однако настроение у гвардейцев бодрое, все готовы решительно вступить в схватку с врагом.

Робышев еще и еще раз проверяет ходовую часть машины. Ему помогают Рулев и Аникин. Предстоит почти стокилометровый марш с боями.

Полночь. Пошли первые минуты девятого мая. Пытаюсь вздремнуть у танковой башни, как вдруг Борис Рулев высунулся из люка, во весь голос крикнул:

— Командир! Война кончилась! — и уже спокойнее: — Вот по радио передают.

Быстро спускаюсь в танк, надеваю шлемофон. В наушниках слышится знакомый голос диктора Левитана, голос Родины. Передается сообщение о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Конечно, все понимали, что война идет к концу, но официальное сообщение о Победе оказалось неожиданным. Царившую среди танкистов радость нельзя описать. Это можно только прочувствовать. Закаленные в боях, выдавшие виды воины не скрывали слез, целовались, тискали друг друга в объятиях.

Ночь темная. Всюду видны вспышки и слышатся выстрелы победного салюта. Но в это время по колонне от головы ее к хвосту покатила команда: «Офицеры, к командиру бригады!»

Командный пункт.

Полковник Лаптев поздравил собравшихся с Победой. В заключение сказал:

— Умирать никому не хочется. Особенно горько идти навстречу смерти, когда долгожданная победа уже наступила. Но обстановка сложилась таким образом, что немецкая группировка отказалась сложить оружие и продолжает оказывать нашим войскам отчаянное сопротивление. Гитлеровцы пытаются разрушить чехословацкую столицу — город Прагу. Перед нами поставлена боевая задача: прорваться сквозь заслоны фашистских частей, оставить их у себя в тылу, стремительно выйти к Праге и помочь восставшим чешским патриотам. Двигаться будем на предельной скорости. Всякое отставание будет расцениваться как трусость. У кого машина плохо подготовлена, пусть пеняет на себя.

Я чувствую себя спокойно. Уверен, что мой механик-водитель старшина Робышев не подведет.

И вот все готово к маршу. Отданы последние распоряжения. Командир бригады выстрелил из ракетницы. Это сигнал к началу движения. Густой туман затрудняет наши действия. А тут еще впереди высота, хорошо укрепленная гитлеровцами. Когда мы достигли ее, туман стал редеть, и гитлеровцы нас сразу обнаружили. Противотанковые орудия открыли огонь, появились вражеские штурмовики, которые сбросили на нас бомбы. Пехота покинула танки и залегла. Мы пошли дальше.

В перелеске, раскинувшемся вдоль шоссе, показались башни фашистских танков. Их несколько десятков. Лязгая гусеницами и ревя моторами, вражеские машины прибавили скорость. Дистанция уменьшилась. Мы открыли огонь.

Вспыхнул первый танк противника. В него попал Аникин. Я ни на миг не отрываюсь от прицела. Стремление одно: уничтожить врага.

— Огонь!

Вспыхнул еще один танк противника. На нас насели

две вражеские машины. На выручку пришел на своем танке гвардии младший лейтенант Сергей Щукин. Сергей родился и вырос в городе Чапаевске, оттуда ушел на войну. Ветеран бригады. Отважный воин. Ну и, конечно, хороший, душевный товарищ.

Под оглушительный грохот танковых орудий бригада продолжает наступление. Гитлеровцы сражаются с упрямством обреченных. Ломая сопротивление противника, продвигаемся вперед. Горит, содрогаюсь, стоющая земля.

Мы сожгли все танки врага, потеряв при этом несколько своих. Путь свободен. На больших скоростях мчимся к Праге.

К полудню, преодолев с боями более половины пути, остановились в небольшой придорожной деревне на короткий отдых. Еще несколько часов назад здесь был глухой тыл противника, где спокойно жили ничего не подозревавшие фашисты-тыловики. Наши танки уже вошли в деревню, а у них продолжалась по какому-то поводу пирушка.

Ворвавшись в дом, наш десантник обнаружил около десятка гитлеровцев.

— Хэнде хох! — скомандовал он.

Гитлеровцы подняли руки.

Окончился короткий отдых, и снова в путь. Выжимая из машин все, на что они способны, спешим на помощь пражанам.

Леса и перелески, рощи цветущей сирени, зеленые каштаны по обочинам дороги. На пути деревня за деревней. Хочешь не хочешь надо остановиться: все жители от мала до велика встречают освободителей. Празднично одетые люди идут и идут нам навстречу с Цветами, с музыкой, у многих в руках бокалы с пивом и **стдакны** с вином. Советских танкистов обнимают, це-

луют, а мы умоляем пропустить нас поскорее. Нас ждет осажденная фашистами Прага.

Сию на лобовой части танка у крышки люка и указываю механику, куда надо ехать в объезд встречающих. Весь танк засыпан сиренью. Среди разногласного говора слышится и русская речь: это бывшие пленные и советские люди, угнанные в фашистскую неволю.

Вот и последний рубеж — перед нами Прага. На подступах к городу вновь завязался ожесточенный бой. Только подумал занять свое место в танке, как вдруг рядом рвануло так, словно раскололась земля. Взрывной волной меня швырнуло в сторону. Заколыхалось небо, в глазах потемнело, из носа хлынула кровь. Напряжением воли взял себя в руки, отогнал дурноту и поднялся на ноги.

Разгорелись уличные бои. Танкисты знают, что нет ничего хуже боев в городе: простора никакого, всегда ждешь броска гранаты или выстрела фаустпатрона из каждого окна, из каждой подворотни.

Очистка города проходила до вечера. Здесь погибло немало наших танкистов. Ценою жизни многих советских воинов был спасен от разрушения и гибели прекрасный город Злата Прага.

Вот теперь мы победили окончательно.

Ликующие пражане устроили нам восторженную встречу. На митинге я увидел своих боевых друзей: Николая Любушкина, Алексея Сорокина, Ивана Марченко, Михаила Дуракова и Сергея Щукина. Мы оживленно делились своими впечатлениями о последнем бое, долго бродили по весенней, праздничной Праге. Даже с баррикадами на улицах и со следами боев она выглядела величаво и гордо. С болью вспомнили погибших товарищей: Котловца и Колбинского, Петренко и Гладких, многих других, которым не довелось дожить до светлого дня Победы.

Нас повсюду приветствовали пражане. Город ликова-

вал. Колонны демонстрантов с красными знаменами. Чешское «наздар» и русское «ура», цветы и слезы радости, песни, музыка и возгласы: «Да здравствует Красная Армия, наша освободительница!», «Дружба! Дружба!» Вверх летят кепки и шляпы пражан, шлемы танкистов и пилотки солдат. Чехи дарят нам цветы. Берут у нас автографы. Приглашают вместе сфотографироваться на память.

Вернулись мы в расположение бригады усталые, возбужденные и счастливые.

Уходят в прошлое те исторические дни весны 1945 года. Но они не забудутся никогда. На одной из площадей Праги, в Смихове, стоит памятник советским воинам-танкистам. Он прост и скромен: на гранитном пьедестале возвышается танк, первым ворвавшийся на улицы Праги. Он символизирует советско-чехословацкую дружбу, скрепленную совместно пролитой кровью.

Сохранилась у меня фотография того времени. Возле своей «тридцатьчетверки», ворвавшейся 9 мая 1945 года на улицы Праги, командир танка гвардии младший лейтенант Иван Тимофеевич Марченко и его боевой экипаж. На танке рядом с бойцами мужчины, женщины и дети — жители местечка Тунец, пригорода Праги. Лица у них радостные, улыбающиеся...

Утопающее в зелени чехословацкое местечко Тунец разбросало свои домики по невысоким лесистым холмам у небольшой, спокойной речушки. Отдых. Вглядываюсь в загорелые, обожженные пламенем войны лица своих боевых товарищей. Я счастлив и растерян. Как и они, радуюсь Победе, предстоящему возвращению домой: истосковался по Волге. Но представляю, как тяжело будет расставаться с теми, с кем сдружили долгие годы войны.

Мысли невольно уносят в прошлое, во вчерашнее. Вспоминаются глубокие рейды по тылам врага, кровопролитные бои и адские бомбежки. Теперь все это позади. Нам светит солнце Победы!

Из заграницы я возвращался только в июле 1945 года. Тогда через необъятную нашу страну с запада на восток прокатилась мощная волна воинских составов с танками, самолетами, орудиями и автомашинами. Подвести черту под второй мировой войной предстояло на полях сражений в далекой Маньчжурии.

Перед отправкой на Дальний Восток в подразделениях бригады прошли партийные собрания. Командиры и политработники разъясняли личному составу, что агрессивных устремлений против нас Япония никогда не скрывала.

В самые трудные периоды Великой Отечественной войны Советский Союз был вынужден держать на дальневосточных границах часть своих Вооруженных Сил, так как самураи выжидали удобного момента для нападения на нас. Вдоль советской границы японцы возвели десятки укрепленных районов и сотни долговременных сооружений. На территории Маньчжурии и Кореи они построили широкую сеть железных и шоссейных дорог, множество аэродромов, морских баз и портов.

Наш эшелон мчится по просторам Отчизны. Впереди необозримая даль лесов, полей и рек. А мимо проносятся станции, полустанки и безлюдные платформы.

Почти касаясь лицом холодного стекла, смотрю по сторонам. Близ дороги то и дело встречаются небольшие холмики, покрытые дерном и ярко-зеленой травой. Над ними, как часовые, возвышаются пирамиды, увен-

чанные пятиконечными красными звездами. Хочется преклонить колено перед каждой солдатской могилой. Здесь покоятся люди с большим сердцем, переставшим биться во имя твоего счастья, люди, которые отдали самое дорогое — свою жизнь за то, что дороже жизни, — за свободу и независимость Родины.

Воинские эшелоны идут с запада на восток, идут через города и села — и те, что испытали пламя боев, и те, что были в далеком тылу. Здесь кипит стройка. Нелегко будет стране залечить тяжелые раны. Но так же, как и в годы борьбы с фашизмом, советский народ верит в победу и не пожалеет сил, чтобы добиться ее.

Наш эшелон шел через Куйбышев, город, где живут мои родные: родители, братья, сестра и любимая девушка Ася, которая меня ждет.

Можно без усталости говорить о славных волжских местах. Леса и перелески, озера и сады, река Волга и речка Самара. А весной — чудо! Неописуем разлив Волги. А ландышей в лесах!.. Еще лучше летом. Волжские леса изобилуют ягодой. Август. Беззвучные зарницы озаряют по ночам волжские просторы. Пошел последний месяц лета. Поспевают груши, яблоки, овощи. Созревают и поздние ягоды: брусника, малина и рябина.

И вокзал, и привокзальная площадь, и улица Льва Толстого, берущая отсюда свое начало, — все представилось новым, красивым и незнакомым. Только выйдя из трамвая на площади имени В. В. Куйбышева, наконец-то узнал близкий моему сердцу город. Все здесь памятно сердцу: и здание оперного театра, и монументы, и затейливо изукрашенный драмтеатр имени А. М. Горького.

Меня встречали отец и старший брат Владимир. Но той, которую я так искал глазами среди сотен людей, не было. Потом, уже в монгольской степи, мне расска-

зали ребята из следовавшего за нами эшелона, что в Куйбышеве к ним подходила девушка и, показывая телеграмму, расспрашивала обо мне. Подвела почта. Какая досада...

Снова в путь. Наконец прибыли к месту назначения.

Разгрузились на небольшой станции и рассредоточились по монгольской пустынной степи. Природа здесь сурова, а подчас и коварна. Степь покрыта скудной растительностью — колючка на колючке. Часто встречаются озера, но их горько-соленая вода для питья непригодна. Нередко по степи движутся сыпучие пески-барханы, довольно часты здесь и песчаные бури. Все это вскоре нам довелось испытать на себе.

Днем безжизненно голая, кое-где с желтыми барханами песка, однообразная равнина казалась вымершей. Но только начинали сгущаться сумерки, она сразу оживала... Всюду слышался лязг гусениц, надсадный вой тягачей, буксуя в сыпучем песке, двигались колонны автомашин с боеприпасами, горячим и продовольствием.

К жаркому и сухому воздуху пустыни примешивался знакомый запах бензина, масла и крепкой солдатской махорки.

Советская Армия имела опыт четырехлетней войны с гитлеровской Германией. наших воинов теперь не могли задержать ни пустыня, ни высокие горы, ни долговременные укрепления.

Наша танковая бригада должна начать наступление по выжженной пустыне Гоби. Китайцы зовут ее «Шамо», в переводе это — «Пустыня смерти». Затем нам предстоит преодолеть предгорья Большого Хингана и сам хребет.

Советское правительство объявило о вступлении Советского Союза в войну против Японии. В бригаде прошел митинг, а в батальонах — партийные и комсомоль-

ские собрания. Выступавшие, выражая мнение всех воинов, клялись в готовности с оружием в руках достойно и до конца выполнить возложенную на нас задачу по разгрому японских милитаристов.

Солнце скрылось за горизонтом. На землю легли сумерки, а с ними на смену жаре пришла прохлада. Дышать стало легче. Изнуренная палящим зноем степь пока безмолвна, но мы знаем, что эта тишина будет скоро нарушена...

Наступила полночь. Сидя за столом, комбриг Лаптев и начштаба Садовой внимательно изучали карту с нанесенной на ней обстановкой. Садовой курил, небольшими глотками пил круто заваренный чай и с беспокойством посматривал на часы.

Комбригу позвонил генерал Катков:

— Александр Иванович, как ты там?

— Хорошо!

— А конкретнее?

— Все вроде продумано, тщательно подготовлено.

По сообщениям «языков», они нас в гости на этом участке не ждут. Разведывательные данные не вызывают сомнения. Вместе с нашими разведчиками ходили лучшие воины монгольской армии, хорошо знающие местность и расположение японских пограничных застав. Наметили маршруты, поставили задачу. Ждем сигнала.

— Через десять минут начнется.

Слова комкора слышали все, кто был тогда в штабе.

Потекли томительные минуты ожидания. Я мысленно старался представить, как все получится в действительности.

Полковник опять посмотрел на часы.

— Сейчас будет сигнал, — сказал он.

В тот же миг небо озарила яркая вспышка ракет. По Радио дается команда:

— По машинам!.. Заводи!

Все пришло в движение. Бегут на места экипажи и десантники. Взревели моторы. Ночная тьма озарилась морем ослепительных огней. Это танки и бронетранспортеры с включенными фарами ринулись на восток, в глубь Маньчжурии.

Военные действия наших войск начались.

Стремительно развивается наступление. Порой кажется, что земля не выдержит, расколется от этих ударов. Пылью и дымом заволкло горизонт. Дышать становится все трудней и трудней. Мелкий песок хрустит на зубах, от песка и гари саднит горло. Это авиация наносит мощные бомбовые удары по укреплениям противника.

Условия, в которых наступала бригада, создавали ряд трудностей, до этого нам не встречавшихся. В открытой пустыне осложнялась маскировка танков, особенно с воздуха. Техника быстро выходила из строя от воздействия на нее песка и пыли. Быстро ехать невозможно, двигатели расходуют горючего больше нормы в два-три раза. Из охлаждающей системы моментально выпаривается вода. Ночью беспощадно грызут комары. Да какие! Не помогают ни дым папирос, ни противокмарные сетки. Особенно достается тем, кто в вечерние часы и ночью вынужден оставаться вне машин. Искусанное комарами лицо распухает до неузнаваемости.

Наступает первое военное утро. Знойное, неприветливое, оно тоже не приносит облегчения. Рот, нос и глаза забиты песком. Дыхание перехватывает, смотреть больно. Испытываешь гнетущее чувство, когда на твое тело давит палящий зной. А вместе с горячим, словно из доменной печи, воздухом в легкие проникает раскаленная песчаная пыль. Появляется непреодолимая жажда, так и тянется рука к фляге с водой.

Безводная пустыня изнуряет воинов, изматывает силы. Нужна вода, а ее на нашем пути, как правило, не оказывается. Отступающие японцы разрушают колодцы или отравляют их. И вдруг впереди виден огромный водоем. Раздаются радостные возгласы: «Вода-а!». Увеличиваем скорость. Проезжаем километр, два... пять, а воды все нет. Оказывается, это мираж.. Такое в безводной пустыне бывает.

Но это еще не все причуды пустыни. То и дело мы испытываем на себе ее необузданный, дикий нрав.

Только что солнце светило ярко — и вдруг начало тускнеть, как будто его затянуло темным покрывалом. Скорость ветра резко усиливается. Раскаленный песок нещадно сечет лицо и руки. Ни охнуть, ни вздохнуть. С трудом удастся прополоскать рот. Нас накрыла песчаная буря, которая продолжалась несколько часов. Однажды пережив это бедствие, не забудешь о нем всю свою жизнь.

Немало неприятностей доставляли нам японские диверсанты. У отравленных ими колодцев они оставляли записки с угрозами. В записках говорилось, что наши войска погибнут в ущельях и теснинах Большого Хингана, что гневные потоки горных рек нам не поможет преодолеть никакая сила. Мосты будут уничтожены, русских поглотят солончаковые топи. Монгольским воинам (цирикам) предлагалось возвращаться обратно. Эти записки подписывал некий «Тимур Дудэ», именовавший себя потомком Джучи, сына Чингисхана. Долго не удавалось поймать его. А когда он все-таки попался, оказалось, что этот «потомок» даже не монгол, а сын бывшего белогвардейского офицера, завербованный японской Разведкой.

Вопреки угрозам таинственных «пророков» танкисты упорно продвигались вперед. Уже в первый день наступления бригада достигла предгорий Большого Хингана.

В горах Большого Хингана двигаться было исключительно трудно. Дороги отсутствовали, а охотничьи тропы совершенно не годились для танков. Казалось, и погода ополчилась против нас. В пустыне, когда мы мечтали о дожде, его не было. В горах прошли проливные дожди. И без того бурные горные реки превратились в дикуую стихию, преградившую нам путь.

Высота горных хребтов Большого Хингана порой достигает двух тысяч метров. Японцы превратили этот район в стратегический оборонительный рубеж. Всюду, где только можно, они создали опорные пункты, рассчитанные на длительную самостоятельную круговую оборону. Опорные пункты между собой связаны сетью ходов сообщения и траншеями, опутаны колючей проволокой.

Мы понимали, что такие препятствия одним махом не преодолеешь. А японские генералы утверждали, что Большой Хинган вообще недоступен для крупных войсковых соединений. Но мы помнили суворовский переход через Альпы да и свой собственный рейд через Карпаты.

Танкисты, выбирая более пологие склоны, с большим трудом вели, а местами просто тащили свои машины вверх. Малейшая неосторожность или оплошность механика-водителя, и танк терял управление. В лучшем случае юзом скатывался назад, а то и валялся в пропасть. Путь прокладывали наши лучшие механики-водители Робышев, Ластовецкий, Скоробогатов, Любушкин, Комов.

Спуск с гор был не менее трудным и опасным. Сначала шли пешие разведчики. Они выбирали наиболее удобный для движения маршрут. За ними — танки.

В подобных условиях даже опытные солдаты порой испытывали некоторую робость, оказываясь в опасной, непривычной ситуации. Танк, которым управлял Горяинов, столкнулся с деревом большого диаметра. Меха-

ник-водитель на мгновение отпустил рычаги, и машина вышла из повиновения. Под собственной тяжестью на уклоне почти в сорок пять градусов танк развил огромную скорость. Во все стороны разлетались обломки деревьев. У самого подножия горы, зацепив бортом мощное Дерево, танк свернул в сторону и, проехав еще метров двести, угодил в солончаковую топь. Машина стала погружаться в зловонную, липкую жижу. Ей грозила неминуемая гибель. Подоспевшие ремонтники Алексей Сорокин и Тихон Шустов во главе с помпoteхом гвардии капитаном Петром Николаевичем Гусаченко с трудом спасли ее.

Да, нелегко было нам. Там, где природа открывала свободный проход, на пути вставали долговременные укрепления, которые яростно оборонял противник. Укрепленья были воздвигнуты из железа и бетона. Каждое состояло из двух-трех этажей, укрытых под землей. На вооружении у врага находились пулеметы и пушки. Между собой доты соединялись подземными ходами.

На систему таких укреплений мы наткнулись в проходе между двумя хребтами. Другого пути не было. Пришлось выбивать противника из «берлоги». Артподготовку по врагу провели самостоятельно, используя свои пушки. Артиллеристы отстали. Комбриг скомандовал танкистам:

— Дайте-ка им по-гвардейски!

Башенные стрелки сноровисто работают у орудий. Выстрелы звучат часто, сливаясь в сплошной грохот. В ушах звон. Во рту становится кисло от пороховых газов, заполнивших танк.

И тут же открыла ответный огонь японская артиллерия. Рядом с нашим танком разорвался снаряд, осколки со свистом и скрежетом полоснули по броне.

Тем временем к одному из дотов скрытно подобралась наша пехота — танковый десант. Загремело

мощное русское «ура», и на головы японцев обрушился шквал огня.

— Гранаты! — скомандовал гвардии капитан Меняйло, командир десантников, и первый бросил гранату в отверстие амбразуры. Взрыв, снова взрыв... Самураи не выдерживают натиска гвардейцев и разбегаются. Всюду их настигают наши ребята.

Десантники просачиваются в подземные ходы. В рукопашном бою скрестились русский и японский штыки. Остер японский штык, но русский оказался острее. На сержанта Иванова навалились сразу двое самураев. Но он вывернулся, одного проткнул штыком, другого застрелил.

На помощь горстке смельчаков спешат еще десантники. Они врываются в подземные ходы, уничтожая на своем пути японскую пехоту и прислугу артиллерийских установок.

В этом бою танкисты и десантники истребили до двухсот японских солдат и офицеров, захватили большое количество военной техники и имущества.

Наши боевые действия в горах Большого Хингана были рассчитаны на пятнадцать дней. Но мы двигались быстрее и жгли горючего гораздо больше, чем предполагалось. Фронтные склады отстали, поэтому горючее доставлялось самолетами.

Впереди трудный путь по сложной горной местности, а горючее кончилось. Оставлен запас на случай внезапного боя. Нужна мало-мальски пригодная площадка для посадки самолетов и принятия горючего. С этой целью в горы направлена группа танкистов и десантников в составе десяти человек. В пути группу подкараулили и внезапно окружили хунхузы. Одеты они в длинные халаты, на головах шляпы. Хунхузов человек пятьдесят.

Эти бандиты, привыкшие нападать из-за угла, не

только жестоки, но и трусливы. Случалось, зазеваается часовой, или проявят на привале советские воины беспечность, хунхузы тут как тут. Подкрадутся по-воровски и с жестокостью, присущей только варварам, расправятся со спящими воинами. Но открытых схваток с нашими ребятами они избегали.

На этот раз гвардейцы вовремя заметили бандитов. Залегли. А когда те подошли ближе, открыли по ним прицельный огонь. Несколько бандитов были сражены меткими выстрелами, остальные заметались в панике, побросали оружие. Наши ребята потерь не имели.

Приняв горючее и боеприпасы, доставленные самолетами, танкисты с шутками и прибаутками заливали опустевшие емкости. Бочки тяжелые — литров по двести, ворочать их приходилось всем экипажем. Все шло хорошо. Работа подходила к концу. От походной кухни распространялся вкусный запах, возбуждавший и без того сильный аппетит. Ребята трудились с огоньком. Они понимали, что впереди большой и нелегкий путь.

В это самое время разведка принесла тревожные сведения. На нашем пути встала гряда непроходимых сопок, рассеченная глубоким ущельем. По заключению разведчиков, преодолеть эту преграду может лишь пехота. Что касается танков, то для них ущелье совершенно непроходимо. Японцы не обороняли ущелье, так как были уверены, что здесь не пройдут не только танки, но и пехота.

Комбриг Лаптев спросил Новоселова, что он думает по этому поводу.

— У нас одна дорога — вперед! — ответил комбат. — Разрешите, товарищ полковник, батальону идти головным.

Дав несколько советов, комбриг приказал Новоселову начать движение. Колонну батальона возглавили самые опытные механики-водители. В их число попал и Робышев из моего экипажа.

Пройдя первый километр, мы поняли, что время и природа поработали здесь основательно. Все ущелье — сплошные повороты: то пологие, то крутые. Нырять из одних «ворот» в другие. Чуть не рассчитаешь, ошибешься всего на несколько сантиметров — тут же врежешься в гранит. Дно этого узкого и полутемного коридора ухабистое, ямы заполнены водой. Над нами угрожающе нависают голые каменные глыбы.

Для движения по ущелью необходимо в совершенстве владеть приемами управления машиной. Этого нашим танкистам-ветеранам не занимать. Большой опыт накоплен на полях сражений с фашистской Германией, особенно при преодолении Карпатских гор.

Колонна ломаной цепочкой растянулась по ущелью, наполнив его ревом моторов и лязгом гусениц. Глаза слезятся, в горле першит от едких, удушливых выхлопных газов.

«Тридцатьчетверки» упорно пробивают себе путь вперед, порой становясь на дыбы или кренясь то на один, то на другой бок. Вода под гусеницами клокочет и пенится, обдавая холодным душем сидящих на броне десантников. Кажется, что мы находимся в огромном бурлящем котле. Но ребята, несмотря на невероятно трудные условия, сохраняют присутствие духа, подбадривают друг друга шутками и прибаутками.

Никогда не унывающий Владимир Моисеевич Торбан, командир роты управления, тронув Рулева за плечо, продекламировал лермонтовские строки:

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле...

А Рулев ему в тон пушкинские:

Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье...

Уже более четырех часов танки пробиваются по ущелью. Еще несколько усилий, и машины вырываются из давящих гранитных стен, из царящего здесь мрака. Глаза внезапно ослепило яркое солнце. Оно быстро обогрело и обсушило десантников. А в ушах еще долго не утихает гул моторов и скрежет металла.

Перед нами раскинулась относительно ровная местность. Впереди просматриваются ближние и дальние высоты, труднопроходимые топи, покрытые мелким, чахлым кустарником.

Времени в обрез. Новоселов и Ширяев изучают по карте обстановку. Пока подтягиваются главные силы бригады, помпотех Гусаченко и экипажи готовят танки к новому бою. Спустя некоторое время поступает команда:

— По машинам! Заводи!

Снова гудят двигатели, снова машины быстро катятся вперед, лавируя между высотками и солончаковыми топями.

Над нами все чаще и чаще появляются вражеские самолеты-разведчики. Вскоре головной походный дозор доложил: японцы сосредоточивают танки, артиллерию и готовятся преградить нам путь. Комбриг развернул бригаду в боевой порядок и повел ее в атаку. Дав залп из пушек, наши танки устремились вперед.

Японцы были застигнуты врасплох. Они не ожидали, что мы ударим по ним так крепко и стремительно. Среди пустынных сопот и топей, где раньше редко ступала нога человека, остались догорать бронированные коробки подбитых танков и автомашин противника. Там и тут — короткоствольные гаубицы, вдавленные гусеницами «тридцатьчетверок» в землю. Враг под напором наших войск поспешно отступает.

Под проливным дождем вновь началось наступление. Нам предстояло за несколько суток завершить

форсирование Большого Хингана и с боями пройти трехсоткилометровый путь. В назначенное время мы вышли к железнодорожной магистрали Бэйпин — Чанчунь. Началась массовая сдача в плен японских солдат и офицеров. Сокрушительные удары, нанесенные советскими войсками по Квантунской армии, сыграли решающую роль в разгроме милитаристской Японии.

На нашем пути часто встречались небольшие деревушки с убогими, без окон, фанзами. Всюду страшная нищета. Нас встречают местные жители, истощенные, одетые в лохмотья. На их лицах следы тяжелых испытаний. Они восторженно приветствуют советских воинов-освободителей. Люди выстраиваются по сторонам дорог, выставляют большой палец вперед и кричат: «Шанго!» («Хорошо!»), «Вансуй!» («Да здравствует!»).

23 августа 1945 года весь мир облетела радостная весть о победоносном завершении войны на Дальнем Востоке. Несколькими днями позже стало известно, что соединения нашего корпуса присвоено наименование Хинганских. Сотни воинов получили боевые награды.

Отгремела война. Наша бригада в городе Дальнем. Состоялся митинг. Всюду царит приподнятое, радостное настроение. Всюду знамена, плакаты, цветы и счастливые улыбки. Слышатся песни на русском и китайском языках. Среди них особенно популярна «По долинам и по взгорьям».

Да, доблестная Советская Армия закончила свой поход на Тихом океане. Вот он, Порт-Артур. Вот Золотая Гора, на которой зимней ночью 1905 года взвились три сигнальные ракеты, известившие о предательском нападении врага. Вот Тигровый Хвост — именно здесь стояла русская батарея, принявшая на себя первый вражеский удар. Вот военное кладбище, на котором покоятся пятнадцать тысяч погибших солдат и офице-

ров русской армии и флота, участников героической обороны Порт-Артура...

Три десятилетия минуло с того памятного дня, когда завершился разгром японской военщины. Но события того времени свежи в памяти. Никогда не забудут наши внуки и правнуки, как, выполняя свой патриотический и интернациональный долг, советские воины бессмертными подвигами прославили свою Родину, ее доблестные Вооруженные Силы. И мы, фронтовики, гордимся тем, что являлись активными участниками этих событий, тем, что каждый внес свой вклад в борьбу за свободу и независимость любимой Отчизны.

Москва. Центральный музей Вооруженных Сил Союза ССР. Зал Победы. Пылает пламенем знамя 7-го механизированного Новоукраинского Хинганского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Суворова второй степени корпуса. В него входила 41-я гвардейская Шумлинско-Хинганская Краснознаменная, ордена Кутузова танковая бригада. К боевому знамени подходят ветераны корпуса. Среди них — бывший его командир Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск в отставке Федор Григорьевич Катков. Собрались двести пятьдесят человек со всех концов страны.

Бывший командир 41-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник в отставке Александр Иванович Лаптев оживленно беседует с бывшим воентехником Алексеем Ивановичем Сорокиным, нашим «танковым Рачом». После войны Алексей Иванович вернулся в Родной Куйбышев, где и сейчас работает начальником «Дела одного из предприятий.

Гляжу на ветеранов и вспоминаю гвардии капита-

Бойцы вспоминают минувшие дни. Слева направо:
А. И. Сорокин, Н. И. Любушкин, В. М. Олейник, 1971 год.

на Котловца. Нет его, нашего комбата, у знамени корпуса. Посмертно присвоено гвардейцу звание Героя Советского Союза. На могиле его памятником установлен танк.

Нет здесь и бывшего командира танка гвардии младшего лейтенанта Михаила Георгиевича Петренко, который в составе нашей бригады прошел по фронтовым дорогам от Сталинграда до чехословацкого города Брно. Ратная доблесть отважного воина была отмечена орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, Красной Звезды. Похо-

„„„„ „пппппидни в городском парке города

Брно. А в родной Макеевке, где Михаил Георгиевич вырос и откуда пошел в армию, его именем названа улица...

У овеванного славой побед знамени 7-го мехкорпуса, который отличился в боях на Правобережной Украине, под Яссами и Кишиневом, в Болгарии и Румынии, Венгрии и Чехословакии, а затем и в Маньчжурии, болгарский полковник Колев. Сейчас он будет вручать награды отважным танкистам.

— Полковник Ластовецкий!

Из группы ветеранов, чеканя шаг, выходит стройный военный. Да, это он, бывший старшина Саша Ластовецкий. Его боевой путь по фронтовым дорогам наелся под Сталинградом, а закончился у Порт-Артура. Полковник Колев вручает воину болгарскую медаль.

— Полковник Ольшанников!

— Я!

Коля Ольшанников. Это его танк первым прорвался к реке Прут. Фашисты успели подорвать мост, когда машина стремительно двинулась по нему...

Полковник принимает медаль, а у меня в памяти — строки из стихотворения, написанного Николаем Грибачевым:

На постамент громаду танка
Одним рывком возвел танкист.
И мы вдруг поняли, что это,
Зо имя завтрашнего дня,
Железным обликом Победа
Из дыма встала и огня.

Танк Ольшанникова поднят со дна Прута. Стоит он "а постаменте как память о тех, кто сражался «во имя завтрашнего дня».

Закончилось вручение наград, и ветераны плотным

кольцом окружили бывшего командира бригады Александра Ивановича Лаптева. Он приехал из столицы Белоруссии Минска. В 1958 году окончилась его военная служба, но и уйдя на заслуженный отдых, Александр Иванович продолжает трудиться. Он лектор ЦК Компартии Белоруссии и республиканского общества «Знание», ведет большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

— Ваня! Неужели это ты? — обнимает Лаптев бывшего командира своего танка Ивана Тимофеевича Марченко, который только что приколот к прежним наградам болгарскую медаль...

— Я, батя!

Да, это он, Марченко, тот самый лихой танкист, который не раз ходил в разведку боем, под огнем доставлял приказы комбатам. Живет он теперь в городе Краматорске, трудится на Новокраматорском ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции машиностроительном заводе имени В. И. Ленина.

Оживленно беседует со своими отважными друзьями бывший офицер связи бригады Герой Советского Союза Ирина Николаевна Левченко, которая после войны стала автором многих интересных книг о советских танкистах.

Беседы, беседы... Нет им конца. Есть о чем рассказать своим боевым друзьям Герою Советского Союза Дмитрию Федоровичу Некрасову, заместителю командира первого батальона Степану Сергеевичу Лукину и замполиту Якову Яковлевичу Дворниченко, командиру роты управления Владимиру Моисеевичу Торбану и военфельдшерам Зое Федоровне Зининой и Михаилу Дмитриевичу Дуракову, механикам-водителям Николаю Сергеевичу Робышеву и Григорию Романовичу Скоробогатову, командирам взводов Владимиру Сергеевичу Песчанскому и Александру Вартановичу Мартиросову.

Особо хочется сказать о бывшем начальнике штаба

батальона Михаиле Ивановиче Ширяеве. Боевое мастерство, отвага и выдержка отличали этого человека на фронте. После войны Ширяев служил в Приволжском военном округе. Стали напоминать о себе старые раны, контузии и тяжелая болезнь, и он уволился в запас. Живет теперь в Москве, работает в аппарате министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР.

раньше, в Куйбышеве, и сейчас, в Москве, его квартира не перестает быть сборным пунктом для фронтовых друзей. Часто сюда заходит почтальон, приносит ему весточки из разных мест.

Двести пятьдесят ветеранов у знамени. А сколько ас было в корпусе? Многие, правда, не смогли приехать. Из Ташкента — начальник политотдела Степан авыдович Короткое, из Луцка — начальник штаба Тимофей Николаевич Садовой и его жена Валя, бывшая радистка и санинструктор, из Приморска — мой стрелок-радист Борис Федорович Рулев, из Орска — Дмитрий Васильевич Аникин, тоже член нашего экипажа, из Тамбова — Петр Николаевич Гусаченко, помпотех батальона. И все же, здесь мы, нет ли, нас объединяет фронтовая дружба, о которой так емко и точно сказал поэт Сергей Орлов, бывший командир танка:

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят,
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папираса на двоих.

Никогда не забыть пережитое в годы Великой Отечественной войны. **СВОИХ БО*»ВИ1У** пг.\7^ай - •.....

Пришлось чужим. • ...

ряды ветеранов. Не встречу я больше в Куйбышеве и своего верного товарища Николая Ивановича Любушкина. Жизнь его недавно оборвалась. Но остались у него два сына. Они из того молодого комсомольского племени, которое свято хранит и приумножает боевую славу своих отцов, патриотов и интернационалистов, с честью выполнивших воинский долг перед социалистическим Отечеством.

Вместе со своим бывшим механиком-водителем Николаем Сергеевичем Робышевым стою у знамени корпуса и вспоминаю всех членов своего экипажа, всех воинов взвода. На память пришел Витя Горохов, юный танкист, сын бригады. Где-то он теперь? Вдруг слышу голос Лаптева:

— Споемте нашу, бригадную! — Видать, растрогала его эта встреча, не удержался ветеран.

— Так здесь же музей! — предостерегает Ирина Левченко.

— А мы вполголоса, — упорствует Александр Иванович.

И Сорокин, наш бригадный запевала, начинает:

Служили танкисты
В бригаде одной,
Ковали победу
Отчизне родной...

Пою вместе с боевыми друзьями песню, которая вдохновляла танкистов 41-й гвардейской бригады на боевые подвиги, придавала им смелости и бодрости в годы войны. Пою, и воскресает давно пережитое, и мыслями я уже там, в далеких огненных годах. Далекое становится близким.